

ДЕМ МИХАЙЛОВ

ИНФЕР 8

18+

Инфериор

Дем Михайлов

Инфер 8

«Автор»

2022

Михайлов Д.

Инфер 8 / Д. Михайлов — «Автор», 2022 — (Инфериор)

Зона Мутатерр. Сомкнутые плавучие острова... А под ними – океаническая тьма, что скрывает в себе то, что однажды постарались забыть... Движение вниз и вперед – к скрытому под древними плавучими островами подводному городу Эдиториум, что некогда считался новой колыбелью созидательного разума, местом, где лучшие умы изнемогают в напряженной работе по спасению умирающей планеты. Некогда в Эдиториуме постоянно рождались удивительные проекты... и некоторые из них были настолько... необычны... что их законсервировали и постарались забыть. Но законсервировать – не значит уничтожить...

© Михайлов Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дем Михайлов

Инфер 8

С чувством наслаждения...

Исправленная версия

Глава первая

– Отсосу за ложку каши... – умильно улынулся мне подлезший сбоку плешивый мужик. – А за три...

От удара моего локтя он отлетел назад, с глухим стуком ударился затылком о стену и затих, разбросав ноги. На нем ничего не было кроме короткой и некогда зеленой мини-юбки, что теперь задралась и ничего не скрывала. Сидящие напротив меня грязные упырки при- встали и, прикрывая локтями алюминиевые миски с бурой кашей, жадно уставились на открыв- шеся их взорам зрелище.

– А у Тешки-Кашки жопа еще ого-го, – прошамкал беззубый дедок и облизнул распухшие серые губы, заодно отправив в рот прилипшие к усам крошки.

Чуть подумав, он высунул язык сильнее и провел по нему левой ладонью. Опустил мок- рые пальцы под стол и, мучительно кривясь, начал часто подергивать локтем, с надеждой шепча:

– Давай же... вздыми голову змей мой великий...

Брошенная мной пустая тарелка ударила его ребром по переносице, и старик завалился навзничь, подняв над низким столом колени. Одна из вскинутых черных пяток упала на сто- лешницу, угодив в миску соседа. Третья тарелка, пущенная мной как фрисби, врезалась в висок лезущего к беспамятному хренососу, и тот отрубился, упав лицом в промежность Тишке- Кашке, где и затих.

Сидящие напротив медленно и осторожно опустили жопы на свои места, не сводя с меня напряженных взглядов.

– И с какого ты дистрикта, говоришь, будешь? – хрипло поинтересовался одноглазый дряблый мужик с длинной косматой бородой и примерно в такой же, как у меня, просторной рубахе с подшитым проволочным каркасом в плечах и груди.

Не ответив, я выскреб ложкой остатки каши, отправил ее в рот и швырнул пустую тарелку в груды остальных в центре стола. Оглядел темный зал с низким потолком – на меня уставилось не меньше пятидесяти рыл – и посоветовал:

– Хотите жить – сидите тихо.

Высказавшись, я подтянул к себе новую полную тарелку из добавочных, чем разом нару- шил несколько здешних неписанных табу.

– Главное – главных не гневить... – с величавой, как ему думалось, задумчивостью обро- нил сидящий во главе длинного стола плечистый бородатый мужик с бритой головой, избегая смотреть на меня прямо и умело игнорируя выжидательные взгляды собравшихся вокруг него прихлебателей. – Да... главное – главных не гневить... и все в жизни будет сладко и тихо... Братья! – привстав, он положил руки на плечи сидящих рядом отсосов и, почувствовав допол- нительную уверенность, заговорил громче: – И рабами жить можно! Главное – яйца при нас, братья! И потому мы братья!

– А не сестры, – буркнул я, выскребая вторую тарелку. – Ну да...

– Главное – главных не гневить! – голос мужика стал тоньше, он привстал еще чуток, но ног не выпрямил, явно не желая входить со мной в прямой конфликт. – Не гневить!

Я не ответил, продолжая ожесточенно выскребать из металла остатки калорий, а бритый, он же главный над остатками вчера официально захваченного да так и брошенного захватчиками дистрикта, начал наполнять узкую и длинную столовую перекатами своего неплохо поставленного лживого голоса:

– Нет нашей вины в случившемся! Зеленые муравы оказались сильнее черных мирмицинов! Что ж! Теперь мы рабы! И вместо десятины будем отдавать по половине пайкового блага! Вот сегодня мы в третий раз поели уполовиненные порции – и насладились! Да, еды меньше – но вкус тот же! Богатый! Богатый солоноватый! Я ощущаю! Братья!

– Мы ощущаем! – нестройно и без особого воодушевления прогудела его сторона стола.

Остальные – а их было раз в десять больше – угрюмо молчали, сгрудившись с другой стороны общего стола.

– Хреносос, – процедил я, отшвыривая сверкающую миску.

– Главное – главных не гневить! – почти уже провизжал бритый предводитель черных мирмицинов, понимая, что я своими огрызаниями припер его к стене и выбора уже нет – придется меня осаживать, ставить на место.

Вот только этот говорливый членосос был из тех, кто только и умеет что говорить. Харизмой бьет, а не кулаком.

– Муравы оказались сильнее, – засмеялся я, начиная скручивать ложку. – И как ты это понял без драки-то, когда решил начать махать своими давно не белыми трусами? А? Какого хера ты сдался без боя, членосос ты сраный?

– Главное – главных не гневить! – заорал бородатый и с лязгом бросил перед собой мясницкий топорик. – Не гневить! И почему на тебе рубище Товса?! Я узнал!

– Товс, – повторил я. – Вот как звали того кастрата... а кастратом он стал из-за тебя, упырок...

– Главное...

– Да тебя, я вижу, хер разгневаешь! – тихо произнес я, и в моем голосе заскрежетал разрываемый металл. – Я уж как только не пытался... а ты все сидишь на жопе и глотаешь, глотаешь...

– Мое имя...

– Срал я на твоё имя...

– Ты не из муравов! – прозрел наконец бритый. – И ты не из только что вылупленных! Из какого ты дистрикта?

– Из верхнего, – ухмыльнулся я и наклонил голову, прислушиваясь к едва слышимому пisku, что донесся из-под моего уродливого и искусственно раздутого с помощью внутреннего каркаса одеяния.

Длинная рубаха до колен, что натянута на проволочный каркас. Выглядит упырочно. Но зато внутри до хера простора, что нехило сыграло мне на руку. Материал толстый, а тут жарко и влажно, так что все постоянно потеют и дух стоит тот еще... но спасает визгливая вентиляция, что исправно нагнетает сухой прохладный воздух.

– Из верхнего дистрикта, – задумчиво повторил бритый и удивленно замигал. – Выше нет никакого дистрикта! Мы верхние! Под нами муравы... затем бордовые мессоры... потом идут мирные аттины... а нижний слой принадлежит великим и чудесным бурым гониомма, да восславится их справедливая община...

– Да восславится... – повторили прихлебатели.

– Вчерашняя война одурманила нас горем и...

– Война? – мой смех стал язвительней. – Упырок! Ты сдал своих без боя! И подставил их яйца под те ножницы! Своих братьев – под яйцерезку! Гнида....

– Главное – главных не гневить! И кто ты такой, чтобы мандибулы на меня разевать?! Плюгс шпындявый! Слякоть поносная! А ну-ка, братья, покажем ему...

Пятеро неохотно поднялись. Еще двое вскочили живенько и с хищной готовностью умело крутнули в руках тесаки. Продолжая сидеть, я одобрительно кивнул:

– Вот так бы вчера... ну? Чего ждете?

– Вызываю тебя не честный бой! По справедливости! – едва не сорвавшись на визг, заявил самый молодой. – На кон яйца! Готовьте проволоочный жгут, братья! Мы не жестоки –отрежем по науке... Бросьте ему оружие! Да получше что кидайте! – он так неумело подмигнул сидящему рядом, что не заметили только незрячие.

Получивший сигнал упырок картинно привстал, качнулся вперед и толкнул по столу что-то вроде короткого и легкого тесака с закругленным концом. Таким разве что в жопе ковыряться...

– Бери и бейся со мной! – заявил юнец, поднимая над головой топор на длинной рукояти. – Да высечет искры оружие наше!

– Откуда ты? – бритоголовый впадал во все большую задумчивость, а в его опасливо прищуренных хитрых глазках начало разгораться пламя, как ему казалось, верной догадки. – Ты не из мессоров ли часом засланный? Так неспешно и честно отвечу я – битва была проиграна нами без поддавков. Муравы оказались сильнее...

– Да ты неплохо заучил выдуманную байку, – рассмеялся я, подхватив подъехавший ко мне безопасный тесак. – Бой, говорите? Ну ладно...

– Честно и пра-а!.. – вздрогнув всем телом, парень выронил топор и рухнул на стол.

Рукоять влетевшего ему в пасть тесака тяжело ударила о столешницу, отчего закругленное лезвие вошло глубже, наверняка даже не прорубая, а проминая и раздирая плоть. Охревшие прихлебатели и сам бритоголовый изумленно уставились на дергающееся тело юнца, а тот, вдруг подскочив, булькающе завыл, взмахнул руками и попытался куда-то побежать, но запутался в чужих ногах и... ударил рукоятью о стену. Утробно всхлипнув от такой подляны, ослепший от боли, он рванулся в другую сторону и... налетел на успевшего подойти меня. Схватив его за нижнюю челюсть, другой рукой я взялся за рукоять засевшей игрушки и с силой дернул руки в стороны, раздирая ему пасть.

– Ы-Ы-Ы-ГВХ!..

Забившись, изуродованное тело упало на пол, а я, крутнувшись, отбил один из неумело посланных в мою сторону тесаков, выхватил топор и резко опустил его на яйца только усевшегося на козырное место бритоголового. Топор отхватил все самое дорогое, отчего его бывший хозяин мгновенно впал в болевой шок и, даже толком не заорав, с хриплым блеяньем завалился на бок. Переступив через него, я снес голову одному, второму вбил топор в грудь и... бой закончился. Остальные сгрудились в противоположном углу длинной столовой и дружно заорали, прося остановиться. В их глазах плескался животный ужас.

– Мы исправимся! – сипло пообещал стоящий с края дедок с перекошенной рожей.

– Нет, – отозвался я, резко взмахивая рукой, и дедок рухнул на руки остальных, ударив одного из них рукоятью выросшего из лба топора.

Двустворчатые железные двери распахнулись от пинка, и внутрь сунулась мощная фигура в боевой броне.

– Хера тут праздник... – радостно заорал Рэк. – Командир! А че не пригласил даже?!

– Че так долго? – зло поинтересовался я, рывком сдирая с себя рубаху и к еще большему охереванию долбанных мирмицинов оказываясь в полном боевом снаряжении – разве что без шлема и шейной защиты.

Поправив револьверную кобуру, я поймал брошенный орком рюкзак со своим добром, набрасывая ремни на плечи, глянул на забившуюся в угол вонючую живую массу и коротко велел:

– Этих на мясо.

– С радостью, лид.

Выбравшись из дальнего темного угла, один из мирмицинов поднял руки, и воздух столовой разодрала короткая очередь, прошедшая по ногам здешних лидеров племени. Лидеры рухнули и завопили, потянули ко мне руки. Но я не глядел. Ни на них, ни на молчаливую основную массу здешнего племени, среди которой лежало немало искалеченных несколько часов назад мужиков. Их насильно лишили яиц. Буквально. И все почему? А причина все та же – херовы игрища в поддавки ради выгоды элиты в ущерб остальным...

– Я, сука, херею, – пробормотал я, забирая у Рэка дробовик. – Я херею... Где отряд, Рэк?

– Ждет команды, командир, – успокоил меня орк и побежал вперед. – Так есть чего бояться?

– Нет, – с абсолютной уверенностью ответил я. – Хаб Эдиториума нам не помеха... спускаемся...

– Да я с самого начала знал!

– Ага... – проворчал я. – Знал он... Пусть тащат сварку!

– Есть!

Шагая по гулкому короткому коридору к центральной шахте, я не обращал внимания на обгоняющих меня один за другим фальшивых мирмицинов, что так же, как и я вчера, а по сути – несколько часов назад по здешнему времени, просочились в узкую лазейку внутрь этого сраного «слоя». Целью была разведка изнутри, пока остальной отряд, держа под контролем наш вход, зачищал окрестности там, «вверху», заодно проводя дополнительную разведку и готовя временную базу для подкрепления. Им было чем заняться. А вот мы... нам как лазутчикам не повезло. Разведывать тут оказалось нечего... Никакой опасности, кроме разве что дерьма, но нам пачкаться не привыкать...

А ведь начиналось все так весело, что даже я невольно охренел...

Ведь не каждый день, когда отряд упирается в расположенный в полу мощный стальной шлюзовой люк и все понимают, что тут придется изрядно напрячь жопы, чтобы пробиться даже через первый слой, толстенная дверь вдруг издает гудок, автоматически открывается, по лестнице кое-как поднимается трясущийся голый мужик, заливающий ступеньки кровью и... с невнятным бормотанием вкладывает в ладонь Ссаки собственные отрезанные яйца, после чего целует ее в забрало и... падает обратно в люк, где и подыхает в луже крови.

Рэк так ржал... Ты, мол, без матки – он без яиц. Идеальная, сука, пара...

Так мы получили от кастрата бесплатный вход в зону, что лично мне была известна под жаргонным названием Поплавок, а на самом деле являлась верхней портовой зоной Эдиториума, по форме походя на жирное стальное веретено.

Вход в Эдиториум я нашел по отсутствию тварей.

Мелочь всякая имелась, а вот крупняка вроде ползающих по коридорам слизистых гигантских червей, что успели забрать у нас троих бойцов, не обнаружилось. По этому отсутствию смертей и отыскиали вход – я задался вопросом: а чего это никто у нас не гибнет, не калечится и даже не получает ранений при проходе небольшой зоны, что мы обозначили банальным Зона 37 на наших пополняющихся картах. И почему тут только мелочь, хотя сама эта область вроде как центральная и служит буфером между остальными заброшенными участками?

Зона сразу приобрела статус аномальной, и мы вернулись сюда надолго, принявшись вгрызаться в пол... Вторым признаком оказался сам здешний остров – вскоре стало ясно, что он был военным, но официально из тех, что называются «исследовательскими»... с обычно очень хорошо вооруженными учеными... Более толстые переборки и внешняя обшивка, больше шлюзов, больше дублирования, а все вместе складывается в столь желанный «большой

запас прочности»... Как раз такую самую надежную гигантскую лоханку и решишь поместить над самой своей головой...

Мы прорезались в нескольких местах и с четвертой попытки попали куда надо – нашли один из подводящих коридоров с парой крохотных технических иллюминаторов, что пользы не принесли, будучи полностью перекрытыми серыми наростами.

Пройдя по сужающемуся коридору, мы оказались в очередном поддонном куполе, что был меньше по диаметру, зато в прошлом имел все необходимое техническое оснащения для приема батискафов и прочей мелкой океанической посуды. Все это было тщательно заблокировано и заварено, но один люк оставили, снабдив его мощной крышкой. В сам купол нам пришлось прорезаться, а едва пробили первое отверстие, из дыры ударила такая вонь, что мы было решили, что вбурились в жопу дохлого кашалота. Пробившись, получив попутно несколько рвущихся внутрь огненных потоков, что быстро выдохлись и потухли, мы оказались внутри, и все стало ясно – купол был превращен в кладбище.

Кости повсюду. Вдоль стен аккуратные штабеля из костей бедренных, в углах пирамиды из черепов, в центре у самого люка колонна из ребер и опять же черепов. Там же высокое возвышение вроде алтаря, а на нем два гниющих трупа. В шаге от люка что-то вроде сложенного из костей шкафа с двумя полками – на них обнаружили невероятно странные одеяния. Всего два типа одежды. Сшитые из сероватой плотной ткани каркасные рубахи с вложенными внутрь просторными штанами. И короткие разноцветные юбки. Вся одежда ношенная и намертво пропитанная трупной вонью. Пока я пытался въехать в красоты подводного некрополя, выглядящий неприступным сейфовый люк вдруг щелкнул и начал открываться...

Еще через пару минут пришедшая в себя после торжественного принятия отрезанных яиц и глумливого хохота Рэка наемница первая спустилась вниз, попутно вырубив еще двоих перепуганных подранков. Их колото-резанные раны оказались в иных местах, а пара затрещин и несколько глотков из фляги с самогоном настолько взбодрили пришедших в себя чужаков, что они заговорили наперегонки, спеша порадовать нас всеми своими знаниями. Что-то мы почерпнули от них, что-то я узнал позднее, когда влился и вжился ненадолго в это отвратное месиво...

Поплавок. Верхняя портовая зона. Солидный парадный вход для солидного города. Большая приветственная зона, склады, три ресторана, пяток забегаловок попроще, несколько детских зон и шикарный фитнес-зал – сжигай калории на беговой дорожке и через прозрачную стену любовайся процветающей подводной природой, что была буквально возрождена Атоллом Жизни. Да... когда-то тут было именно так – я помню мозаично. Но сейчас от всего этого не осталось и следа. Поплавок был поделен на пять тощих этажей, что здесь именовались слоями или муравейниками. На каждом этаже свое гоблинское племя, что почему-то ассоциирует себя с муравьями. Мне-то поспать и не мне осуждать – у меня самого богомол был в отряде... но вот остальное...

Слои постоянно конфликтовали, придерживаясь при этом особых и – вот уж, сука, не сомневался – древних божественных традиций. Воюя по определенному графику, все четыре племени сражались за одну и ту же награду – бонусную добавку. Дополнительная жратва из раздаточных окон, еще чуток ткани и проволоки для одежды, кое-какие лекарства, холодное оружие, инструменты. Все как всегда – кровавая бойня за те блага, что позволяют породить ту самую элиту, которая больше никогда не насытится и всегда будет хотеть еще.

Еще одной фишкой было отрубание яиц. После каждого «конфликта» проигравшие объявлялись временными рабами и начинали выплачивать победителям нехилый налог. И к этому всему у некоторых из числа проигравших ампутировались яйца, что автоматом меняло их статус, превращая в женщин. Жертв для этой «древней» традиции выбирали вроде как случайным жребием – ну да... До сих пор верите в типа случайный жребий, ушлепки?

Кстати, о статусах – настоящих женщин в Поплавке нет.

Тут одни мужики – в каждом из четырех племен. Нет женщин и на нижнем этаже – там вообще никого нет. Он пустует. А раз женщин нет, то приходится придумывать что-то самим... Поэтому и вариантов одежды тут только два – рубахи со штанами и юбки...

– Упырки, – прошипел я, с силой впечатывая подошвы ботинок в стальной пол. – Гребаные хренососы!

Всполохи сварки отражались от стен подводного каземата и дергаными адреналиновыми огоньками плясали в застывших глазах здешних обитателей, что медленно смыкали вокруг нас кольцо. На нас им было посрать – они смотрели только на растущую в закрытых створках раскаленную щель. Над уничтожаемыми дверями висел все тот же символ – жалкие остатки системной полусферы. Хотя даже не полусферы – тут, похоже, стояло что-то из до системной эпохи. Обычная камера наблюдения в защитном кожухе...

В общем, почти как родная Окраина, но здесь грязно. Замызгано, засрано, запущено. Камальдула такого беспредела не позволяла.

Перерезанный засов с грохотом улетел в шахту, вскрытые створки с протестующим визгом открылись, и первые бойцы подались вперед, ныряя стволами и фонарями вниз. Секунда... и один за другим они начали спускаться по двум лестницам – по ним и поднялись «атакующие». Здешние воротилы порешали все за всех. Ну да – а почему не договориться, если на кону яйца не свои, а чужие? Где-то и когда-то я это уже вспоминал – про особый подход к любому делу, когда напрямую рискуешь собственными яйцами...

– До упора? – поинтересовалась входящая в центральный ствол Ссака.

– До самой жопы Монкара, – подтвердил я, вставая за ней. – И еще на локоть глубже.

– С радостью! – усмехнулась сквозь забрало наемница и, проигнорировав лестницы, прыгнула в зыбко освещенную пустоту. – Минуем все этажи, гоблины! До самого низа!

Я последовал за ней. Метров пять преодолел в свободном полете, ухватившись за одну из поперечин, чуть притормозил, гася скорость, а затем опять разжал пальцы. Ревущий вверху Рэк поторапливал самых медленных, спеша выпнуть всех с верхнего слоя.

Может, заглянуть и на остальные многоуровневые этажи? А нахрена?

Хотя...

Опять перехватившись, я задрал голову и крикнул спускающемуся сварщику:

– Вскрывайте каждую дверь! Створки раздвигайте и фиксируйте намертво!

– Есть, лид!

У здешних на руках лишь холодное оружие из скверного мягкого железа. Единственной их изоляционной защитой друг от друга служили расположенные в центральном стволе этажные створки, что закрывались со стороны слоев. Казалось бы, сиди дома и жри что дают. Но иногда жратву вдруг выдавали не на родном уровне, а на соседском, о чем оповещали заранее через хриплые бубнящие динамики – я слышал один из таких призывов. Хочешь не хочешь – а за жратвой и водой идти придется. Даже на территорию чужого племени... Отсюда и войны вместе с договоренностями. А соседи могут двери закрыть и не пустить... Но потом и им самим не повезет с раздачей и придется идти к соседям с миской в одной рукой и с тесаком в другой... Так, может, сговориться двоим сильным против одного слабого? А затем выдумать блевотные традиции вкупе с мерзотными ценностями... Муравьиная возня в гигантском унитазном бачке...

А всем наблюдающим наглядно представлен еще один говноэксперимент над запертыми и разделенными гоблинами. Одна проблема – никаких наблюдателей нет. Все пущено на самотек и все медленно разлагается...

Включив закрепленный на разгрузке передатчик, я проверил его заряд и трижды щелкнул клавишей, давая понять, что я в эфире. Тут же ответившая Ссака торопливо заговорила, перечисляя главные пункты.

Наверху – все зачищено и заблокировано. Прибывшие чуть больше часа назад гоблины уже обживают рядом с подводным кладбищем. Они держат под контролем все близлежащие входы-выходы, два техника устанавливают выторгованные и отремонтированные камеры наблюдения. Сейчас у нас проблема с усилителями сигнала, поэтому местами сеть связи будет проводной – все имеющееся уже тянут сюда.

Серые великаны не обнаружены. Вообще ни одного их признака. И вывод прост – если они родом из Эдиториума, то на поверхность выходят не через Поплавок. И мы понимали, что вариантов доставки их на поверхность Мутатерра хватает – от других коридоров до еще функционирующего транспорта.

Надо мной загорелся огонь сварочного аппарата, чуть выше взвыла вгрызающаяся в металл пила. А я продолжал падать, часто перехватываясь и снова разжимая пальцы.

Я первым миновал четвертый уровень, что был отмечен отдельным цветом стен, и провалился ниже, не обращая внимания на новый завал костей, что начинался от верхней границы пятого нижнего этажа. Оттолкнув сунувшегося мне на встречу дряхлого старика в обвислой рубашке без каркаса, я зашагал по очередному безликому коридору. Стены испещрены надписями на различных языках. Информации море, но вся она погребального характера – пожелания счастливого пути, перечисление дел жизни и некоторых свершений. Я шагал по коридору некрологов, наступая на буквы, порой давя выложенные из костей узоры, отбрасывая ботинками узорчато просверленные черепа. Еще одно свидетельство того, что лишение гоблина дела приводит к тому, что он начинает страдать херней...

Спустившись по паре лестниц просторного, но почему-то не обжитого слоя, я уже с трудом дошел до третьей лестницы – двигаться пришлось боком, так как вдоль одной из стен тянулся штабель старых костей. Воздух напоит смрадом, но дышать можно пока без маски – где-то работает вентиляция. Я даже слышу завывание старого мотора где-то за спиной. А еще я слышу хриплый вопль пытающегося догнать меня очередного старпера в странной высокой шапке. Он вынырнул из какого-то бокового прохода и, хромя, торопливо ковылял за мной. Сделав еще пару шагов, я окончательно замедлился – здесь настоящие баррикады из черепов. Места хватает, я уже миновал пару пустых просторных залов, но нет... они решили пожертвовать удобством ради вот этого винегрета из костей... Моя задержка и попустительство идущих следом ухмыляющихся гоблинов позволили старику в юбке и шапке догнать меня. Коснуться меня он не решился – просто уткнулся дряблым плечом в металл лишенной облицовки стены и с хрипом выдохнул, мелко трясая щетинистым подбородком:

– Я верховная жрица. Кто вы такие?

– Кто ты?

– Жрица... я верховная жрица и...

– Слушай сюда... жрица... – медленно произнес я, выговаривая слова так, что старик разом выпрямился, стащил с лысой головы похожую на костяной цилиндр шляпу, одернул короткую юбку, что не скрывала пук лезущих из-под нее седых волос, и часто закивал, разом поняв, что может умереть прямо сейчас. – Мы идем вниз...

– К Глоту? – старик так изумился, что даже перестал дрожать. – Он голоден... давно не отвеживал мертвого мяса и мелких костей. Давно никто не умирал.

– Да ну?

– К сожалению... все яро цепляются за жизнь... глупцы! На той стороне – рай!

– Тогда почему ты сам все еще здесь? – удивился я, разглядывая стоящую передо мной дряхлую развалину с пергаментной кожей, истонченными руками и лицом-черепом с глубоко запавшими мутными глазами. – Сколько тебе лет... жрица?

– Завершаю седьмой десяток... Мое дело здесь еще не завершено. Я приглядываю за молодью... я кормлю Глота. Но он голоден... Все, чем ему удалось вчера перекусить – пара

жалких яичных конфеток! Тьфу! Жалкая сморщенная мелочь! Он умеет голодать, но привык к более щедрым подношениям...

– Ты сказал – яичные конфеты?

– Они самые, – с достоинством кивнула чуть отдышавшаяся «жрица». – Свежие! Омытые! Подсушенные и хорошо смазанные так редко выдаваемым сахарком. Два часа лежали в банке с сахарным сиропом! Но всего две даже такие сладкие конфетки не утолят голод Глота...

– Вы отрезаете кому-то из своих яйца... сахарите их... и скармливаете какой-то твари? Вы, сука, совсем долбанутые?!

Что-то прочитав в моих глазах, старик поспешно вжался спиной в стену и бросил перепуганный взгляд обратно по коридору, но вместо пути к бегству увидел лишь столпившихся за моей спиной охреневших от таких раскладов гоблинов.

– Мои он тоже съел! – хрипло и одновременно тонко выкрикнул старик, хватаясь за свою юбку и задирая ее до груди. – Вот! Глянь!

– Ну нахер...

– Сорок лет назад я потерял свои славные тяжелые тестикулы! Глот съел их! И я не жалею! Таков мой путь!

– Ну да, – буркнул я и поднял руку.

Старик шарахнулся, но я всего лишь показал в сумрак ведущей вниз заваленной лестницы:

– Сраный Глот там?

– Там... путь туда лежит сквозь уже начавшийся Костяной Священный Лабиринт... путь запутанный... – пару раз моргнув, старик заглянул мне в глаза и посоветовал: – Не ходите вы туда. Зачем? Кошунство! Я... я...

– Этажи зеркалят друг друга?

– Что?

– Расположение комнат – такое же? – рывкнул я.

– Почти! Срединный Пуповинный Проход дальше не идет!

– Что?!

– Шахта! Центральная шахта заканчивается там выше!

– Это я видел. Дальше что?

– Но ниже – да... все так же... Обиталище Великого Глота лежит под Срединным... под центральной шахтой!

– Вы, дерьмоеды, постоянно кормите какую-то тварь трупами и собственными яйцами? – уточнил я, сам не зная для чего.

– А КУДА ДЕВАТЬ ГНИЮЩИХ МЕРТВЕЦОВ?! – заорал вдруг старик, явно потеряв остатки инстинкта самосохранения. – В ЖОПУ ТЕБЕ ТРАМБОВАТЬ?! И ПУСТЬ ТАМ ВОНЯЮТ?!

– Вот ты и пожил, – заключил сунувшийся вперед орк, тяня лапу к глотке «жрицы».

– Не-не, – остановил я его и ухмыльнулся в сморщенное злое стариковское лицо. – Вот так уже лучше, старпер. Так уже лучше... вот он, настоящий гоблинский оскал. Только раньше надо было так скалиться – до того, как ты позволил отхерачить себе яйца.

Старик промолчал, на глазах съеживаясь и так тяжело и часто дыша, что можно предположить приход инфаркта.

– То есть Глот под шахтой? – уточнил я у оседающей «жрицы».

Тот беззвучно что-то выдохнул и кивнул. Я пошел дальше, боком протискиваясь по лестнице. Остальные последовали за мной, обходя скрючившегося на полу жалкого старика в юбке. Кто-то наступил на костяной цилиндр, и тот с хрустом распался.

Оказавшись на уровень ниже, я уперся в поднятую до потолка жиденькую стену из костей. Ребра, позвонки, черепа – они были выложены ажурной решеткой. Пространство за

стеной проглядывалось, но света тут был минимум, так что все терялось в сумраке, а фонарь я включать не собирался. Вряд ли тут найдутся стрелки, но энергию надо экономить. Как и силы, которые я не собирался тратить на проход этого их священного лабиринта.

– Напролом! – приказал я, и с радостным ревом Рэк ударил всей массой в стену.

Стена рухнула.

Со стуком покатались черепа, с грохотом посыпались ребра, застучали камешками позвонки. Я шагнул вперед. Меня обогнала Ссака. За ней рванулись остальные. Одна за другой ажурные стены старого костяного лабиринта обрушивались, засыпая пол костяным месивом. С потолочных ламп срывались прикрывающие их старые рубахи, и с каждой секундой здесь становилось светлее. Место теряло сумрачную таинственность, превращаясь в обычный широкий коридор, что опоясывал нижнюю часть Поплавка. В боковых комнатах виднелись внешние прозрачные стены, забитые серым месивом. Бывшие кафе, обзорные залы и прочие обсервационные места, откуда был виден расположенный ниже знаменитый подводный город Эдиториум – место, где трудились гениальные ученые в попытке спасти умирающий мир. Средоточие великих умов и помыслов...

– Напролом! – крикнул я, и бегущие по коридору гоблины ответили мне улюлюканьем и воем. – Напролом!

Глава вторая

Глот жил в яме.

Яму прикрывала массивная стальная решетка, что была намертво приварена к краям прямоугольного проема.

Рядом имелась еще одна залитая металлом нашлепка с уродливо обрезанными останками того, что в прошлом было верхушкой лифтовой шахты. Никто не собирался нам облегчать путь вниз. Еще и цербера посадил на входе в свое сраное королевство.

Раскидав кости, я остановился рядом с решеткой и, уложив руки на висящий на груди дробовик, задумчиво глянул в темноту внизу. Оттуда на меня уставились минимум пять вполне разумных глаз с разноцветной радужкой. Из-под решетки послышалось жадное:

– Да-а-а-ай...

Над прутьями решетки, блестящими так, будто их вылизывали наждачными языками, поднялись тонкие дрожащие красные нити. Поднялись и потянулись ко мне.

– Да-а-а-ай...

За решеткой колыхнулась плотная мясистая масса. Серая кожа с черными пятнами, какие-то рудиментарные смятые отростки, полупрозрачные багровые опухоли, откуда тянулись те самые красные нити. Света от фонарей становилось все больше, и явно разумная тварь под решеткой нервно задергалась, поняв, что происходит что-то неладное. Но все же голод и привычка взяли свое.

– Да-а-а-ай...

– Дам, – кивнул я и повернул голову к стоящей слева тяжелой фигуре с огромным ранцем за спиной. – Делай дело.

– Делаю! – коротко и уверенно отозвался недомут, широко шагнув вперед. – Всем назад! Работаю!

Сипло выдохнув, зашипевший тяжелый огнемет ожил, и в решетку ударило яростно загудевшее пламя.

– А-А-А-А-А-А!

Красные длинные нити-щупальца сгорели мгновенно. Следом лопнули освещенные фонарями прозрачные опухоли, а затем пламя достало до серой кожи...

– А-А-А-А-А-А-А!

Вместе с безумным по силе воем вверх рванулся черный дым. Огромная живая масса под решеткой бешено задергалась, но... никуда не делась, словно была частью заблокированной ею лестничной шахты. Расставивший ноги тяжелый огнеметчик стоял прочно, как скала, действуя уверенно и умело – так, как учили. И экономно. Еще две секунды... и пламя угасло. Фонари уперлись в столб посеребрившего дыма. В ноздри била вонь сожженного мяса и вскипяченного гноя. В ушах слышался характерный треск – так отрывается прожаренное мясо от кости. Убедившись, что повисшая в шахте глазастая тварь не подает признаков жизни, я отдал следующий приказ:

– Режьте решетку!

Усиленный частичным экзоскелетом огнеметчик отступил и пропустил вперед другого тяжелого пехотинца в том же снаряжении и тоже с ранцем, но со сварочным резаком в руках. Зашипело пламя, рядом взвыла уже уставшая пила, вниз полетел дождь искр, добавляя шипящих огоньков в груды мертвой плоти Глота за стальными прутьями.

Где-то из коридора послышался дребезжащий крик горя – вопил старик в юбке и расколотом цилиндре, оплакивая смерть Глота и, наверное, свою безнадежно просранную жизнь. Вскоре его крик был заглушен куда более приятным звуком – грохотом и лягом полетевших вниз вырезанных секций решетки. Без задержек и сомнений мы взламывали все сложившиеся

здешние многовековые устои и... похоже, это нравилось не нам одним – несколько тощих теней в юбках и рубашках, длинноволосых и лысых, с телами, усеянными множеством уродливых тату, просочились вдоль стеночки и замерли под наставленными на них стволами.

– Че надо, отбросы? – лениво поинтересовался я, когда пила ненадолго затихла, пока ей меняли диск.

– Мы с тобой, чужак!

– Кто вам это сказал? – столь же лениво изумился я, глядя на них сквозь затемненное забрало шлема. – На кой хер мне бесполезное дерьмо вроде вас?

– Мы будем драться! – заявил хрен в столь короткой юбке на голое тело, что она могла бы скорее считаться не слишком широким поясом.

– Будем! – подтвердил стоящий за его плечами высокий и еще молодой парень с наполовину выбритой татуированной головой. – До смерти!

– Ух как круто сказано... ну сдохнете... дальше что? И вообще – сражаться с кем? – поинтересовался я.

– А посрать! Кто-то да виноват во всем это сучьем дерьме! Всех! Всех-х-х ненавижу! Рвать на куски! Мои побратимы согласны со мной во всем!

Это прошипел уже третий, представляющий собой жалкие развалины некогда могучего гоблина. Все еще широкий костяк при почти полной дистрофии мышц. На запястьях и щиколотках этого доходяги виднелись широкие темные полосы изуродованной постоянным трением потемневшей кожи. Его долго держали в кандалах...

– Будем рвать на куски! Или сдохнем в бою! – повторил первый и рывком содрал с себя юбку, с отвращением отбросив кусок тряпки в сторону. – Дайте штаны и топор! Большого не прошу! И пустите вперед!

Оглядев их всех поочередно – их стало уже шестеро, и еще четверо медленно выходили с поднятыми руками из сумрака коридора – я буркнул:

– Здесь будете жить. Мы снесли все переборки. Теперь здесь все изменится. Пойдете со мной – сдохнете. Гарантирую.

Они переглянулись, и тот, что с кандалными полосами, шагнул вперед, бесстрашно ткнулся покрытой шрамами грудиной в ствол выставленной бойцом винтовки:

– Мы с тобой!

Заглянув ему в глаза, я помедлил чуть и кивнул:

– Идите наверх, – и тут же, пресекая вырвавшийся из их глоток разочарованный вой, злобно рявкнул: – На самый верх, упырки! До шлюзовой двери! Там вас встретят. И отправят в отрядную мясорубку. Посмотрим, чего вы стоите... муравьи... Если переживете обучение и перестанете быть трахаными кусками мяса... получите оружие и вернетесь в первые ряды подыхать... Усекли?

– Мы усекли! – прохрипел доходяга. – Нас много! Нас тут задавили... многие не дожили... разрешишь убить тех, кто заморил нас голодом и холодом? Эти твари жировали и жрали нашу пайку, пока мы гнили заживо... Разрешишь?

– Я? – рассмеялся я. – Да мне посрать на всех ваших и на тебя в том числе.

– Дай тесак... вон тот... что у тебя на поясе... А?

Выдержав еще секунду, я кивнул и протянул ему оружие:

– Держи.

– Я верну! Верну, когда вернусь бойцом!

– Или сдохнешь, – проворчал я, отворачиваясь. – Исчезните, дерьмоеды.

– Так можно позвать и остальных туда? В мясорубку вашу?

– Зови, – кивнул я, уже не глядя на него. – Зови всех, кто хочет сдохнуть...

Отбросы исчезли, оставив после себя вонь давно немытых тел. А одна из недомуток пояснила:

– Там в центре небольшая тюрьма была. Общая, походу. В нее натрамбовали рыл с полсотни. Вроде как с разных этажей. Мы их того...

– Трахнули?

– Освободили! Мы же с добром! А вот освобожденные тут же удавили с десятков рыл из своих – за разное дерьмовое... Там вроде и насильники были...

– Тут же одни мужики...

– Ага...

– Нахрена им тюрьма? Проще ведь прикончить...

– Паек. Каждому из них полагался паек, но им оттуда доставались крохи, а...

– А остальное жрали эльфы, – кивнул я. – Принято.

– Раздать им еще холодняка, командир? Слышу, как в коридоре кланчат...

– Пять тесаков и один дробовик на всех, – усмехнулся я. – Остальное пусть добывают в бою...

– Ага.

– И передай в эфир – пусть тех, кто сумеет пробиться наверх к нашему лагерю над Поплавком, сразу разведут в разные стороны и начнут расспрашивать – кто и за что из них сидел. Пусть каждый даст расклад по сокамерникам. Если вычленятся мутные упырки – сразу их в расход. Затем остальных гнать на базу мелкими партиями.

– Есть!

Стоило ей исчезнуть, как остаток решетки рухнул вниз, попутно сорвав со стены прилипшие куски запеченного мяса. На открывшемся участке стены показалось выцарапанное слово «Мама». Буквы неровные, но глубокие и читаются легко. Переведя взгляд чуть в сторону, я увидел еще буквы – но их тут было куда больше, и они складывались в достаточно длинное послание на общем языке: «Страдай, Енох! Страдай вечно, предатель! Я – Монкар Творец! И я караю тебя за грехи твои!».

– Как, сука, знакомо, – буркнул я и прыгнул вниз.

Пролетев мимо косо обрезанных прутьев решетки, вцепился перчатками в воняющие дерьмом влажные ступеньки металлической лестницы. Пальцы едва не сорвало со скользкого металла. Глянув вниз, сбил ботинком несколько волосяных слизистых комков с нижних ступенек, осветил фонарем тамбур и... опять прыгнул. Пролетев несколько метров, перехватился, снова прыгнул в темноту и... приземлился на очередной решетке, с хрустом проломив закостенелую корку дерьма.

Много дерьма...

Им залито все основание колодца. Лишь в нескольких местах остались булькающие отверстия, куда медленно утекала желтая масса говна, утаскивая с собой волосы, редкие красные прожилки и какую-то костяную мелочь. Здесь никакой электроники. Нет и намека на провода. От удара ногой часть дерьма отвалилась, обнажив решетку. Ткнув туда лучом фонаря, я увидел ожидаемое и желаемое. Хорошо... От воних перехватывало дыхание и пришлось надеть маску, но прежде я проорал несколько приказов и... начал подниматься.

– Кидаем!

– Давай!

Мимо пролетело несколько округлых предметов. Секунда... другая... и подо мной вспыхнуло море жаркого огня, что попытался достать до моих пяток, но не дотянулся и опал, сосредоточившись на выжигании вонючей органики. Едкий дым поднимался плотным столбом, заняв все пространство колодца, и я чуть ускорился, не желая дышать ароматом жареного дерьма. Гнида... мне почему-то вспомнился гнида Хван, что так же, как эта тварь, обитал в собственном дерьме и пожирал трупы.

– Еще огня! – крикнул я и, рывком преодолев последние метры, выбрался наружу.

Вниз полетели еще зажигалки, следом отправились коктейли Молотова. Звон стекла, багровые вспышки пламени внизу, черный дым валит из колодца, и его тут же с жадностью ноздрей наркомана втягивают вентиляционные решетки в стене. Черная дымная стена подрагивает как живая...

– Там нихрена кроме металла, – поясняю я итог своей вонючей разведки, небрежно очищая подошвы от налипшего дерьма и пепла. – Дырявый слой дерьма, под дерьмом такая же решетка, а за ней люк с обычным запором. В люке окно. За окном свет.

– То есть этого хренососа держали в клетке? – рычит задумчиво Рэк.

– Ага.

– Командир... нахера ты сам в дерьмо полез? Послали бы кого-нить... ты же главный.

– Я главный, – кивнул я. – И когда главный перестает хотя бы время от времени лезть в дерьмо – все начинает гнить, орк. Так что заткни пасть, хватай остальных и ныряйте в гребаную яму. Ускорьтесь.

– Как дым чуть рассосется – все будет, командир. Ускорю каждую ленивую жопу!

Это его «все будет» потребовало еще полчаса. Спустившись на кашляющий зов, я миновал очередную преграду из еще горячих обрезков прутьев, и мои ноги погрузились в хрустящий слой пепла. Жестом остановив уже взявшегося за рычаг орка, в то время как вниз спускались остальные, я ботинком сгреб часть пепла, осветил фонарем под наполненное светом окно и увидел очередную надпись, мельком замеченную чуть ранее.

«Ты был по ту сторону, Енох! А теперь гнить тебе здесь вечно!»

– Как пафосно... – проворчал я и заглянул в прямоугольное окошко.

Решетчатый пол, под которым немало трубных путепроводов. Отделанные мирным бежевым пластиком стены. Удобная вертикальная лестница, а под ней вровень с полом платформа подъемника. В этот момент ко мне пришло четкое не воспоминание, но осознание, что я здесь не в первый раз. Я уже бывал в этом тамбуре... именно в этом...

Дернув головой, я отогнал ненужные сейчас мысли и приказал:

– Открываем.

– Уже...

– Внутрь не соваться! – предупредил я. – Делаем все, чтобы остаться в сумраке, гоблины.

– Полусферы? – поинтересовалась Ссака, заняв привычную ей позицию за моим плечом.

– Они, – кивнул я. – Не системные... но какое-то наблюдение здесь быть обязано. Может и не получится не засветиться, но постараемся остаться в сумраке...

– Логично, – прорычал уже дернувший рычаг орк и тут же добавил: – Но наверняка хер нам удастся не нашуметь...

Ну да... стоило люку медленно начать открываться вниз – засыпая коридор черно-серым пепельным добром и кусками не прогоревшего дерьма – как ему навстречу пошла платформа подъемника. Какое, мать вашу, удобство... Сойдя с «обода» вокруг люка, я прыгнул вниз и тут же перекатился, падая уже с платформы. Приземлившись, прижался к стене спиной, дернул автоматом из стороны в сторону и... облегченно затих. Пусто. Но под потолком аж три под корень срезанные бородавки. Были тут органы наблюдения. Но их выкорчевали. Сучьи имбецилы. Это ж как самому себе ножом глаза вывернуть...

Поднявшись, я мягко ткнул плечом первую попавшуюся дверь и... оказался в залитом тусклым и чуть подрагивающим светом узком изогнутом помещении. Что сразу бросилось в глаза: прозрачная внешняя стена, несколько стоящих на штативах хреновин вроде биноклей, пара экранов под потолком и приткнувшаяся в углу старомодная доска с наклеенными листками и фотографиями. По верху доски тянется четкая надпись «Черновик презентации для НЕЕ».

В комнату вваливались остальные, Рэк и Ссака отдавали приглушенные команды, а я, медленно шагая, пересек комнату и глянул сквозь огромное обзорное окно.

– Охренеть... – невольно вырвалось у меня, когда я осознал увиденное.

– Вот дерьмо! – рявкнул вставший рядом орк. – Суки траханые!

Протяжный тоскливый звук донесся прямо из окна, и мне потребовалась пара мгновений, чтобы сообразить – на самом деле этот жалобный пронзительный стон доносился из скрытых под обзорным окном динамиков. Не успел затихнуть первый долгий стон, как раздался еще два, что слились в вибрирующий подводный вой.

– Охренеть, – повторил я, прижимая испачканные в дерьме перчатки к чуть пыльному стеклу.

По ту сторону прозрачной плиты мимо нас медленно и беззвучно скользила гигантская светящаяся туша. Из-за свечения и странных наростов я не смог опознать мгновенно, но затем все же сумел различить местами знакомые с детства очертания огромного силуэта. Расположенный горизонтально хвостовой плавник, обводы туловища... Мимо нас проплывал светящийся кит. Самое древнее морское чудовище... А из его тела выпирали непонятные металлические хреновины, могущие быть чем угодно. Местами покрытая серой «грязью» кожа исходила нездоровым синеватым свечением. А еще гирлянды... от носа до хвоста вдоль всего многометрового тела тянулись разноцветные гирлянды. Некоторые из них потухли, другие неритмично мигали, третьи еще кое-как светили ровно. Поведя хвостом, морской исполин чуть изогнулся и величаво двинулся вверх – в едва-едва подсвеченный белым сумрак. Туда, откуда ко дну спускались еще три идущих вместе силуэта. Еще киты. Выглядят точно так же, как и первый, разве что размерами чуть меньше. Из динамиков раздался их трубный горестный плач, один из китов медленно завалился набок, прошелся боком по спине плывущего рядом, и я понял, что гирлянды не закреплены на их телах, а скорее вживлены в них...

– Вашу мать, – прохрипел орк. – Это че за хрень?

– Тот самый рай с поющими рыбами? – предположила вставшая с другого бока Ссака.

– Посмотрите на дно, – велел я, и почти сразу же зал наполнился чутков даже испуганными ругательствами.

Наглядевшись, наемница коснулась одного из помигивающих огоньков на выходящей из пола изогнутой консоли. Экраны тут же мигнули, «телескопы» ожили и направили короткие окуляры в различные места темного пространства, что было заперто между океаническим дном и днищами сомкнутых над нами плавучих городов.

Стало светлее. Там, снаружи, света не прибавилось, но обзорная стена сама добавила чуть яркости и прозрачности. Из динамиков полилась легкая инструментальная музыка, а вместе с ней зазвучал чуть хрипловатый умиротворенный голос:

– Проект... как много обещаний в этом слове! Не так ли? К-хм, к-хм... плохо звучит... или норм? Ладно... закончим прогон, пока у меня есть время, а затем почистим. Давай с начала... И-и-и... Проект! Как много обещаний в этом слове! Ведь стоит чаяньям творца сбыться, и вот – его проект уже сияет, как небесная десница, и... Твою мать... что за хрень я несу? Кто писал этот бред? Кто? Боб Самаррок? Трахнутый наркоман! – послышался звук брошенного на пол чего-то не слишком тяжелого, а затем тот же голос, уже не столь умиротворенный и растерявший остатки слащавости, заговорил быстрее и нервнее. – Я озвучу главное! А ты займи место трахнутого Боба и перепиши мою речь так, чтобы она звучала серьезно, но не заумно, вдохновляющее, но не усыпляющее. И никаких сраных слов про сраные небесные десницы или колесницы! В жопу! Поняла?! – послышался испуганный женский писк. Покашляв, хрипловатый торопливо заговорил: – У меня много проектов, не спорю. Есть среди них и незавершенные. Есть и замороженные. Что поделать! Мои мысли бегут вперед, я творю неустанно, и за мной трудно поспеть этим... обычным. Но конкретно этот проект – он уникален! Я серьезно! Просто взгляните в океан, что расстилается перед вами!

Все дружно уставились в экран. Я и Ссака наоборот – уткнулись взглядами в дверь позади нас. Но угрозы оттуда не последовало, и мы повернулись к океану.

– Счастливые сытые киты, что беззвучно скользят в кристально-чистой воде... Разве это не одно из красивейших зрелище во вселенной? – тут гигантский кит, словно специально ожидающий этих слов, исторг из себе огромное бурое облако, что почти полностью поглотило его огоньки. – И ведь киты – не просто украшение сего небольшого тестового мирка, названного мной Нова Кунабула! Или же – Новая Колыбель... Колыбель всего человечества! Да! Я придумал, как нам снова заселить нашу несчастную планету и при этом больше не наносить ей совершенно никакого вреда! Нам, людям, нет места на суше! О нет! Там мы всего лишь мерзопакостные вредители. Но ведь океаны занимает две трети планетарного пространства! Даже больше! По моим последним данным Мировой океан занимал восемьдесят три процента планетарного пространства! И это прекрасно! Вот где нам суждено теперь жить! И при этом нам не понадобится почти никакого снаряжения! И нам не придется строить подводные атмосферные города – они просто не нужны! Да вы и сами все видите!

О да... мы видели. Там, под нами, на далеком дне карьера, что принял в себя монструозную стальную тушу подводного города, все было залито достаточно ярким светом. Экраны, куда сейчас проецировалось изображение, показывали все с хорошим приближением, так что мы видели каждую деталь.

– Вашу мать... – медленно выдохнул я, глядя на один из экранов.

На кое-где выровненном дне имелись очертания прогулочных дорожек, бок о бок стояли два нарядных двухэтажных домика с островерхими крышами, поросшими морской растительностью. Рядом с дорожками тянулись пологие холмы, что тоже изобиловали растениями и красками. Стаи пестрых рыбешек, живность покрупнее у самого дна. Несколько неприметных подводных дронов медленно плывут или едут по этому квадратному... полигону? Модели? Что это за хрень? Все выглядит особо неестественно из-за того, что вокруг этой «модели» все покрыто серым льдом. В водном «небе» плавают украшенные огоньками и торчащими из спин и жоп металлическими херами больные киты-дивинусы. А по дорожкам медленно гуляют две семьи... две живые, мать его, семьи.

Отец, мать, двое ребятишек лет по пять. На них шорты и футболки из серебристой материи, на ногах странноватая высокая обувь. Длинные волосы женщины стоят дыбом и медленно колыхнутся, пока она идет, продавливая водную толщу. На их ничего не выражающих лицах пустые улыбки, глаза прикрыты чем-то вроде затемненных линз.

Вторая семья – отец и мальчик. Матери и второго ребенка нет, но вон там, на заднем дворике одного из домов, видны две расположенные бок о бок могилки. Еще несколько могил на вершине одного из холмов, их почти скрыли желтые и бурые водоросли.

Ни на ком из людей нет дыхательных устройств. Рты и носы открыты. Люди дышат полной грудью, эта деталь особо подчеркивается умными устройствами. Они дышат под водой...

Шаг... другой... И первая улыбающаяся семья вошла в густое бурое облако опустившихся китовых экскрементов. Все пошатнулось, детей согнуло в судорогах, но взрослые подались вперед, сжали детские ладошки крепче и потащили малышкой за собой. Вскоре все снова шли по песчаной дорожке, все так же улыбаясь...

А голос из динамиков продолжал говорить:

– Нова Кунабула – мой последний, но лучший проект! Да... еще раз покаюсь, о великая – я начал немало проектов, но многие так и не пришли к желанному завершению. Но придут! Что поделать – мой гений непредсказуем. Я работаю каждый день! Выкладываюсь! Горю бенгальским огнем! Уверен, что ты простишь меня – ведь только взгляни! Вот оно – будущее человечества! Сколько тысяч километров мелководья у нас на месте ушедших под воду городов и лесов? Даже строить ничего не придется – мы вполне можем жить в затопленных городах! Посмотри на эти питательные водоросли! Рыба! Моллюски! Тут бесконечность здоровой пищи! И как я этого достиг? Тут все просто! Как-то ночью я решил пролистать старые чужие наработки и наткнулся на так называемый Серый Лед Смерти. Бинго! Эврика! Вуаля! Белис-

симо! Как только я прочел, что он выделяет море кислорода – я понял! Это оно! Вот она, наша будущая среда – мы вернемся в океан! И будем дышать полной грудью! Небольшие операции – пока тестовые – по моим расчетам не займут больше часа на одну единицу. Усовершенствовав процедуры, наладив поточное производство минимального снаряжения, мы сможем выпускать в океан тысячи людей каждые сутки! Мы вернемся на планету и при этом не оскверним суши. Более того – ни что не грозит и океану! Он щедр и необъятен. А мы проследим, чтобы не было и следа от промышленности. К чему нам наступать на те же грабли, не так ли? Что ж... вот чем я могу похвастаться... вот мой великий план, что был вдохновлен тем, что ты вложила в мой разум и душу, о великая наставница... Я, Монкар, преклонялся и буду преклоняться пред вами, госпожа Эдита!.. Записала? Вот это речь! Сырая, но речь! Надо добавить детали про снаряжение. Не забудь! Четко упомянуть линзы, ножные утяжелители, сопряженные с локальными отпугивателями серого льда. Потом дай мне точную раскладку по китам-пульсарам! Нужна полная информация о том, каким способом их устройства поддерживают активность модифицированного мной Серого Льда и на каком расстоянии от китов-пульсаров он начинает погибать. Все безопасно! Включая атомные батареи внутри китов! Полная безопасность! Это надо подчеркнуть! Прошлых ошибок нет – Серый Лед смерти больше не в состоянии размножаться самостоятельно. Ему требуется постоянный импульс активации, без которого организмы погибают за считанные часы. Это надо выделить жирным красным, дура! Поняла? Точно поняла?! Хорошо... Затем не забудь указать, что испытуемые живут на дне уже годы. Да, есть смертность, да, кое-что недоработано, но тут главное – поточное тестирование. И оно успешно продолжается, как и наверху в так называемом Мутатерре – это тоже уточни! Поточное постоянное тестирование! Мы не просто забили на все хер – мы тестируем! Пополняем базы данных! Поняла? Хорошо... И тот факт, что донным испытуемым пришлось кое-что подрезать в головах, нигде указывать не надо. Уточни, что все они добровольцы. Что прямо рвались в новую эру, мечтая стать следующей ступенью – Хомо Акватикус... Записала? Хорошо. Загрузи все это в каждую базу данных. Пометь как черновик. Расклей презентационный материал в каждой из лекционных. А я, как освобожусь, прогляжу все еще раз... Непроста жизнь яркого гения... ох непроста... И не забудь пополнятьдохнувших испытуемых! И не надо их всех хоронить, твою мать! Скармливай рыбам! Кости – в песок! Как же, сука, меня задрала ваша тупость...

Голос умолк, сменившись тоже вскоре затихшим потрескиванием. Потухли экраны.

– Я тебя найду, – пообещал я, глядя на далекое песчаное дно. – Я тебя найду...

– Дети, – выдохнула Ссака. – Там, по дну, в облаке кишашего паразитами китового дерьма гуляют дети, лид...

– Я вижу, – кивнул я. – Вижу... – тряхнув головой, я заставил себя выпустить застоявшийся в груди воздух и скомандовал: – Врубите сраную презентацию еще раз. И начинаем обустривать здесь временный лагерь. Все для сна и отдыха, для готовки, тройной запас питьевой воды, поставьте пару камер наблюдения и сигналку во всех коридорах. Даю два часа. Затем двигаем дальше...

* * *

Сидя перед обзорным окном, уперев в него подошвы, я глядел то на океан с подсвеченными китами, то на деловитые шайбы примитивных дроидов, что старательно отдирали серое дерьмо от толстого стекла. Презентация недавно отыграла в четвертый раз и затихла. Изредка отвлекаясь от созерцания сумрачной водной толщи, я тасовал в ладонях пластиковые карты с различными надписями – бойцы находили их в разных комнатах, что постепенно проверялись одна за другой. Карты несли на себе до боли знакомые куцые инструкции на тот слу-

чай, если произойдет пробитие внешней обшивки, пожар, электрозамыкание... попадались и совсем невнятные...

Ссака и Рэк решили избежать тотального отдыха, разбив личный состав на двойки и послав их на расширение наших знаний об окружающей местности. Но перед этим они, объединившись, сходили на пару направлений сами – чтобы убедиться в отсутствии вражеских наблюдательных средств.

Их не было...

Все срезано под ноль.

И слово «срезано» здесь ключевое.

Как поступит обосравшийся гоблин, не желающий, чтобы ленивая хозяйка даже случайно увидела этот вонючий хаос?

Правильно – он избавится от наблюдения извне.

Как именно это сделает? Да банально – просто прикажет подручным гоблинам отрубить к хренам всю систему наблюдения. Достаточно изъявить желание при наличии командного интерфейса в подключенном к системе нейрочипе. Если в Монкаре есть чуток параноика – он отдаст дополнительный приказ об опечатывании всех серверных, заблокирует туда проходы. Еще больше от параноика? Тогда он найдет распределительные узлы и перережет по паре основных кабельных каналов. Этого более чем достаточно. Но срезать под корень стационарные камеры наблюдения, сканеры и сенсоры, причем вместе с намертво посаженными металлическими корпусами... это уже нечто совсем другое. Это многое говорит об упырке Монкаре. Очень многое...

– Как у него получилось, лид? – деловитый вопрос задала Ссака, ставя рядом со мной очередную кружку уже нихрена не бодрящего сурверского кофе и усаживаясь на один из раскладных стульев.

Я с неохотой оторвался от рассматривания большого подводного мирка и повернулся к наемнице:

– Что получилось?

– Да все это... как долго мы знаем о Монкаре? Пару дней? Неделью? Уже не помню. Но... ты только погляди, сколько куч гнилого дерьма он сотворил! Мутатерр там наверху – безумный больной проект, что поставлен на холостой ход и заброшен. Теперь здесь... я помню про Эдиториум... подводный наукоград, прибежище всех светлых умов человечества, спасительная надежда для погибающего мира... И этот подводный город строился с таким масштабом, чтобы в случае глобального катаклизма суметь приютить в себе немало гражданских гоблинов. Город должны были отбуксировать на большую глубину...

– Миль на сорок дальше от побережья, – кивнул я. – Туда, где начинаются настоящие глубины... вроде как...

– И вот итог... как так, а?

– Я не могу вникнуть в вопрос.

– Как ему удалось сотворить столько дерьма... и остаться безнаказанным? Он испоганил уже существующее...

– Он прошел главную проверку Эдиты, – буркнул я. – И с тех пор боится только одного – еще одной проверки. Но до этого момента ему можно делать все что хочется. И даже очередная проверка не изменит главного факта...

– Не поняла.

– Монкар – стопроцентно ее фигура. Фигура Эдиты на ее шахматной доске.

– А шахматы тут причем?

– Мы все играем в шахматы, – усмехнулся я и сделал большой долгий глоток кофе. – Каждый день мы двигаем фигуры на клетчатом поле. Ты в курсе, почему шахматы так популярны, Ссака?

– Игра, развивающая стратегическое мышление...

– Не... На самом деле потому, что эта игра вселяет веру в свои войска и ресурсы.

Выдернув из кармана разгрузки один из магазинов, я выщелкнул из него пару патронов и кинул их наемнице. Выщелкнув еще два, я катнул их по пыли, затемняя блеск металла, и поставил стоймя на своем краю небольшого столика. Понявшая мой посыл Ссака выставила свои два патрона напротив моих. Кивнув, я продолжил:

– Эти две фигуры – твои. Твои до самого конца. Делай с ними что хочешь. Можешь вообще не трогать, а можешь послать на смерть так же, как я посылаю вас всех. Как ни крути, но каждый из нас каждый сучий день делает новый ход. Все мы постоянно ведем свою игру. И при этом сами являемся чьими-то фигурами на чужой игровой доске. Вот только есть огромная разница между шахматами и реальной жизнью. И эта разница в том, что чаще всего ты нихера не уверен в своих фигурах – они серые, понимаешь?

– Нет.

– В шахматах все четко. Ты играешь черными. Твой противник – белыми. Его фигуры никогда не перейдут на твою сторону, а твои пешки никогда не предадут тебя. Пошли пешку на смерть – она пойдет. Она не прилипнет к твоим пальцем и не начнет орать, что ей не место на той гиблой клетке и вообще – ну нахер, ведь она на такое дерьмо не подписывалась.

– Это ясно. В жизни все не так. Сегодня этот гоблин на твоей стороне, а завтра вдруг переметнулся и уже наставил пушку на тебя...

– Да... в реальной жизни мы все играем в шахматы одноцветными серыми фигурами. Чаще всего мы ни в ком и ни в чем не уверены, но продолжаем играть пока не сдохнем. И каждый день может принести внезапное морозное откровение об одной из вроде как «своих» фигур на жизненной игровой доске. Твой лучший друг? Но вдруг выясняется, что он за твоей спиной спит с твоей же женой – и сразу две фигуры в минус. Начальник, которому ты предан всей душой? А он увольняет тебя и берет на твое место молодую девку с шикарной фигурой. Корпорация-партнер, что обещает светлое общее будущее? Хер там – она играет в пользу другого игрока, но вскрылось все слишком поздно, и тебя ждет разорение... И это еще низовой уровень бытия... уровень серого мира с теряющимися в сером тумане серыми невнятными фигурами кое-как выживающих гоблинов... играй как можешь...

– Неожиданно...

– Эдита не такая. Ее долбаный отец успел научить дочурку нескольким главным правилам жизни. Одно из них – играй только своими фигурами, а другие нещадно уничтожай.

– Отличное правило жизни...

– Дерьмовое правило жизни, – буркнул я, двигая один из патронов на одну воображаемую клетку вперед. – Когда сбрасываешь с доски разом десять-двадцать сомнительных фигур, вместе с ними ты сбрасываешь настоящих профессионалов своего дела. И в первую очередь в невозвратную бездну улетают крутые управленцы с нерушимыми принципами вроде «мы не будем убивать и калечить гоблинов ради тупых экспериментов». Тебе такие не нужны, и ты безжалостно избавляешься от них. После чего на твоей стороне доски остаются до мозга костей преданные тебе фигуры. Да, они не предадут. Они до конца с тобой. Но сколько среди этого сброда реальных ученых и управленцев? Сколько из них обладает реальным бесценным опытом? Кто из них хотя бы не тупой? Тут уж как повезет. Но назад хода нет, и что ты делаешь?

– Продолжаешь играть.

– Верно. Эдита продолжила делать ходы и назначения. И вот Монкар посажен в слишком большое и высокое для него кресло управляющего целым сектором Формоза. Сидит он в этом кресле и болтает не достающими до земли ножками... При этом он, сука, из рода самых опасных вредителей... Он не может просто тихо сидеть и поддерживать доверенное хозяйство на плаву, ничего не добавляя и не убавляя. Нет! Он, мать его, из тех, кто мечтает выслужиться и ради этого готов сотворить любую херню, руководствуясь еще одним древним правилом всех

никчемных упырьков. А правило простое – потратить как можно больше бабла и ресурсов, замахнись на максимальный масштаб, а затем запихни все это непродуманное говно в красивую упаковку, sprысни хорошим парфюмом и подай тупым дерьмоедам под шикарную презентацию с дорогим шампанским – и они радостно схавают! Я не раз убивал тех, кто следовал этому правилу. А они, даже подыхая под моим сапогом, продолжали недоуменно хрипеть – но ведь все очень масштабно, крайне затратно и с охеренной презентацией! Чего тебе еще надо?! Ведь все как надо! Ну да... все как надо, только результат – полное, сука, дерьмо! Но кому нужен результат, верно? Все ведь так любят триндеть, что важна сама дорога, важен сам процесс... гребаные имбецилы!

– Ого как ты... возбуждился...

– Монкар – как раз такой, – выдохнул я, глядя, как недавно присоединившийся к нам орк вместе с пятком гоблинов из его отряда подливает мне чуток самогона в кружку. – Он из тех, кто высирает огромную кучу дерьма, а затем втыкает в нее радужную табличку с надписью «Еще не законченный, но абсолютно гениальный проект с большим будущим». И пометка ниже: «Вглядываться и внюхиваться не надо!». Вон, гляньте в окно... Как все красиво подано под струнную музычку... Киты с гирляндами плавают, покачиваются яркие цветочки на песчаных клумбах, гуляют по дорожкам семьи, что широко улыбаются и полной грудью вдыхают богатую кислородом воду... Все выглядит как надо – масштабно, дорого и многообещающе... Но если взглядеться попристальней...

– Там у матери и ребенка ладони проволокой стянуты, – буркнул Рэк, прислоняясь плечом к окну. – Охренеть презентация... как бы добраться туда...

– Доберемся, – мрачно пообещал я и ненадолго припал к кружке. – Доберемся...

– Но Монкар – ее фигура, – Ссака явно не хотела слезать с этой темы.

– Ее на сто процентов, – подтвердил я. – Поэтому она и забила на этот сектор. Она знает главное – он не предаст ее. А то, что он сотворит с доверенным ему сектором и с теми, кто здесь обитает, ее не сильно волнует. Она верит, что в случае чего он доложит о проблеме. Вот только хер там – он будет скрывать до последнего. Маленькая пешка, что вдруг повышена до уровня офицера и посажена в кресло управленца... она никогда не признается в собственных косяках, и поэтому тут везде срезаны под корень все системы стороннего наблюдения. И сколько у системной ведьмы таких никчемных, но очень преданных ей фигурок вроде Монкара? Вот поэтому Формоз и гниет, распадаясь на куски... Мало быть лояльным. Надо еще что-то уметь кроме как вылизывать висящую над головой жопу... Ладно, гоблины... хватит вопросов. На отдых остался час. А затем пойдем убивать Монкара...

Глава третья

– Где засел Монкар?

В семнадцатый раз я задал этот вопрос за последние два часа. И в семнадцатый раз получил один и тот же ответ – плевок в забрало шлема и разной степени неумелости визгливый насмешливый хохот. Что ж... в семнадцатый раз повторил и я свой ответ – приставив ствол револьвера к боку визжащего ушлепка, я нажал спуск, разрывая его печень пулей. Плеснула темная почти черная кровь. Идеально выбритая харя перекривилась в диком перепуганном крике.

– А-А-А-А-А! Не скажу! Не скажу! НЕ СКАЖУ-У-У-У! Я верен Монкару! Я верен Монкару!

– Верю, – кивнул я, еще раз нажимая спуск.

– Г-х-р-р-р...

Не выдержав второй дыры в организме, тощий голый упырок посерел и отрубился. Участок идеально чистого рифленого пола оказался безнадежно испорчен расползающейся темной лужей.

Я шагнул к следующему недавно плененному и разоруженному хренососу, что казался родным братом всех убитых мной сегодня. Короткая аккуратная прическа с зализанной набок сучьей челочкой, блестящие от кремов и лосьонов выбритые щеки, идеальные дуги бровей, никаких прыщей или шрамов, а маникюр буквально слепил, равно как и выразительность подведенных черным глаз. Все как один... все одинаковые... Даже в одежде – как давно я не видел гражданских белоснежных рубашек с короткими рукавами и этих на веки веков трахнутых штанишек, что так игриво подчеркивают жопы и гармонично смотрятся с черными мокаси-нами.

– Я простой аналитик, метросекс третьего уровня, – проскулил забившийся в угол упырок, ерзя жопой так, будто пытался нащупать какую-нибудь трубу и всосаться в стену.

Надо же... даже не пытается плюнуть мне в лицо...

– Я просто метросекс...

– На это посрать, – усмехнулся я, нависая над ним и неспешно начиная перезаряжать опять опустевший револьвер. – А Монкару ты верен?

– Всей душой и телом!

– Ага, – кивнул я и выстрелил ему в лоб.

Дернувшаяся назад голова со стуком ударилась об отделанную деревянными панелями стену, а я уже шагал к воющей в голосе девке.

Каре из серых с серебряным отливом волос – как у всех встреченных в этом зале девок. Красивая униформа – полупрозрачная блузка с высоким горлом, обтягивающая черная юбка чуть выше колен. И смутно знакомый мне значок с изображением Эдиториума – такой не у всех, но у многих.

– Где Монкар? – спросил я у перепуганной девки, которую так и хотелось назвать слушающей.

Услышав мой вопрос, она куда-то поползла. Задравшаяся юбка оголила полные красивые бедра, мелькнули ажурные зеленые трусики – вопиющее, сука, нарушение дресс-кода, не так ли? Вот ведь мразь сраная...

Она что-то бормотала, ошалело глядя при этом на замершие в большом зале мертвые тела. Чуть пригнувшись, я вслушался и разобрал сбивчивые слова:

– Это проверка... очередная проверка на верность... я верна! Я верна! Красный сироп... красный сироп...

Поставив ботинок на хребет, я прижал ее к полу и проревел в затылок:

– Это не проверка, сука! Мы убиваем вас!

– Проверка высшего уровня... я прорвусь сквозь боль... красный сироп... на полу красный сироп... Тоша... Тоша просто спит...

Я глянул, куда были уставлены ее глаза – а она, прижатая к полу как таракан, продолжала дергать руками и ногами, все пытаясь куда-то ползти. Одежда сбилась, задралась, окончательно обнажая красивое тренированное тело. А смотрела она на еще одного «метросекса» хер его знает какого уровня. Разбросав руки, он уставил простреленный лоб в потолок и был безнадежнодохлым. Вокруг совсем немного крови плюс темные сгустки у затылка.

– Спит... – повторил я.

– Тоша спит... – тут же радостно отреагировала служащая, взглянув в мое оплеванное забрало с такой надеждой, что на миг захотелось ей подыграть.

– Ну конечно, он просто спит, сука ты гребаная! – рывкнул я и, схватив ее за серебристые волосы, подтащил волоком к труп Тоши и выстрелил ему еще пару раз в голову, кроша череп.

Взвизгнули отприкошетившие пули, ошметки мозгов влетели в холеное лицо визгливой суки, что зашлась в диком крике. Она глядела Тоше прямо в раздолбанный мозг и орала, но не было и намека на подступающую блевоту. Еще бы... Их давно не пугают чужие кровь и страдания. Они боятся только за себя...

– Ну?! Где Монкар, сука?!

– Я верна! Я верна Монкару!

– Выпотрошу, сука! – пинком перевернув бющееся в истерике тело, я выхватил нож и всадил ей в правый бок, тут же рывком дернув к центру живота. Отточенное лезвие с легкостью прошло сквозь плоть, а девка, схватившись за мою руку, завопила мне в забрало. Трясущиеся губы, безумные глаза, льющиеся рекой слезы...

– Ну да, – буркнул я, резко дергая рукой.

Вспорвав ей живот, я встал и пошел прочь. А она, перевернувшись на бок, попыталась ползти следом.

– Я прошла? Я прошла п-проверку?

Вместе с рекой крови на рифленый пол полезли резанные кишки. Отвернувшись, я двинулся к тому, кто видел все происходящее, и судя по его перекошенной роже и нервно мечущимся в орбитах глазам, понимал, что это никакая не проверка. Я пересек заполненный воем и хрипами умирающих зал, присел перед аккуратистом, поднял заляпанное забрало и улыбнулся:

– А ты метросекс какого уровня? Третьего? Тебе уже выдали почетную нашивку?

– Я расскажу все что знаю! Не убивайте!

– Хорошо, – кивнул я, медленно вытирая красное от крови лезвие ножа о его сохранившую белизну рубашку. – Начинай, хреносос... начинай говорить... Где Монкар?

– Ниже!

Удар рукоятью ножа разбил ему губы и выбил пару белоснежных зубов. Пока он сплевывал осколки и кровь, пока оглушено шлепал разорванными губами, я воткнул острие лезвия ему в лоб и, прочертив вертикальную линию, чувствуя, как сталь скребет по кости, пояснил:

– Я хочу полную, сука, информацию... подробную... да?

– Да! Да! Ох... Да!

– Говори...

– Он...

– Да?

– А это точно не проверка? Я верен Монкару!

Воткнув нож ему в селезенку, я заткнул разинутый рот упырка ладонью и, глядя на медленно расползающееся по белой ткани красное пятно, пару секунд задумчиво молчал, втягивая ноздрями вонь дерьма, металлический запах крови и пороховую гарь. Когда я убрал ладонь, то услышал:

– Монкар тремя этажами ниже! Уровень Величия и Созидания! Три входа, если двигаться сверху вниз. Но вниз – не значит к низам! Вниз – лишь биссектриса направления и... А-А-А-А! Понял! Понял! Три входа! Два – лифтовые. Но один лифт – исключительно для Монкара! Еще лестница. Там позиции его гвардии – Стражи Чистоты! Они следят за всем и... вы не из них? Они делают проверки и... А-А-А-А-А-А! Все! Все! Первый пост стражи за вторым пролетом лестницы. А если лифтом – то там главный КПП и на каждом этаже остановки...

Всхлипывая, скуля, ерзая ногами, он вываливал и вываливал на меня поток информации. Изредка его заносило в ненужную сторону, и тогда приходилось опять поворачивать рукоять ножа в ране. Когда он излился окончательно, а это случилось минут через пять, послышалось его робкое:

– Я ведь был полезен?

– Ага, – кивнул я.

– И заслужил жиз...

– Нет, – столь же спокойно ответил я и дернул нож в сторону, вспаривая брюшину.

Упырок даже не закричал, разом отрубившись от боли. Жаль. Но будить его времени нет. Встав, я зашагал к идущему навстречу Рэку:

– Командир! Выбили инфу! – залитого кровью орка аж потряхивало от боевого ража. – И содрали со стены карту.

– Хорошо, – кивнул я. – Веди, орк. Веди...

Рэк заорал в передатчик и двинулся к сливающимся со стенами дверям. Я зашагал следом, оглядывая напоследок этот упырочный зал с трупами. Даже кровь, мозги и кишки не так сильно портили общий вид помещения, как темнеющая и все еще дымящаяся дыра в стена – оттуда мы и явились прямо на их сучье заседание, войдя через центральную вентиляционную шахту. Остатки белой решетки на полу, стол из белого дерева перекрещен несколькими очередями, там же первые трупы... И даже после столь явной жесткой демонстрации кто-то из них все еще продолжал цепляться за остатки слепой веры в какую-то проверку высшего уровня...

Глянув на экраны под потолком, что продолжали проецировать главную тему прерванного совещания, я мрачно процедил:

– Мы выжжем здесь все к херам...

– Мы уже начали, – зло оскалился Рэк и захлопнул забрало исцарапанного шлема. – Мы уже начали, командир...

То совещание... попав к решетке, первые минут десять мы слушали и с каждой минутой охеревали все сильнее. На мирном совещании, где вокруг элегантного стола собрались красивые ухоженные гоблины, обсуждались такие темы, как утилизация еще живого биологического материала, количество новых особей, подлежащих разморозке, и важность экономии всех ресурсов – кроме биологических.

На заседании решили, как всегда, пустить хлорный газ в отсеки содержания объектов исследования, и все проголосовали за, а одна встала и толкнула речь, что хлор не только дешев, но еще и является прекрасным дезинфектантом, а это крайне важно, ведь все они заботятся о благополучии священного Эдиториума. При этом на экране мелькали кадры с голыми трясущимися гоблинами. Лица с выдранными глазами и торчащими из бритых черепов электродами, выходящие из вздутых венозных животов шланги и краны, торчащие из культей стальные спицы с огоньками, трясущиеся в припадке истощенные взрослые, старики и дети. Затем встал еще один из заседающих и, умело играя звучным голосом, не забывая при этом поглаживать посеребренный значок на рубашке, предложил «рискнуть» и на этот раз разморозить больше особей женского пола и возрастом не старше двадцати двух. Возражений не последовало ни от кого кроме сухонькой и уже в возрасте гоблинши, что недовольно поджала отрихтованные вколотым дерьмом губы и заявила, что ее исследования не менее важны и требуют больше

особей мужского пола – желательно, в возрасте до тридцати лет. Тут мы подорвали решетку и так и не узнали, чем мог закончиться их спор о соотношении возрастов и полов...

Вытянув руку, я прострелил поясницу прикидывающемуся дохляком тому самому упырку с серебряным значком, что измазался кровью и приткнулся среди трупов. Упырок жалобно закричал, но вопил недолго – ему в затылок с хрустом вонзился тесак, заткнувший его навеки. Он был последним – из трех десятков заседающих не выжил никто. А в светлом и еще недавно почти стерильном коридоре вдоль стен лежали оттащенные к стенам трупы гоблинов уже не в белых, а в синих рубашках и блузках. По полу тянулись широкие кровавые следы, на стенах остались красные отпечатки лап и харь. Редкие дыры от пуль показывали, что обученные недомуты старательно экономят боеприпасы. И делают это не зря – снабжение у нас надежное, но небыстрое, а здесь нам пока не встретилось ни одного огнестрела. Одна надежда на упомянутых Стражей Чистоты. Странно они, кстати говоря, называют здесь уборщиков...

– Синие – это обслуга белых мясников, – доложила вывалившаяся из боковой комнаты Ссака.

Остановившись у ближайшего «синего» трупа, она вытерла о него подошву левого ботинка и сделала это максимально тщательно. Все, кто выходил за ней следом, тут же пристраивались к тому же трупу и стирали о него кровь с обуви, а затем уже избегали наступать в частые лужи. Так же поступил и я. Нет желания оставлять за собой предательский красный след, что выдаст не только направление, но и, возможно, мое местоположение. Посрать было только Рэку, и пришлось рывкнуть. С недовольством смахнув с плеча лоскут кожи с чьими-то срезанными губами, он потопал к лежащей в углу дохлой девке и занялся чисткой ботинок.

– Ненавижу, – прохрипел Рэк, выдавливая из себя даже не слова, а чистые эмоции. – Ненавижу всех этих чистеньких никчемных говноедов... и это дерьмо решает судьбы тысяч... Скольких мы упустили, Ссака?

– Мы убили всех на этом уровне.

Ответный оскал наемницы был способен напугать до усрачки любого гражданского. С шелестом пройдясь лезвием по блистающему хромом косяку, он содрала с мачете налипшее дерьмо и вернула оружие в зажимы, после чего повторила:

– Мы убили всех... Двигаем лестницей, лид?

– Само собой, – отозвался я. – Но вы оба – стоять! Пускайте вперед недомутов. Эй! Упырки! А че рожи вялые?! До вас еще не дошло?! Радость пришла и стучит жопой в ваши мозговые каморки! Слушать сюда, гоблины! Вот лестница. И через каждый ее пролет вы столкнетесь с сопротивлением. Столкнетесь с врагом! Да еще с каким! Считайте, что та самая поимевшая вас всех судьба решила выдать вам шанс поквитаться – а такой шанс обычному гоблину выпадает редко! Не просрите его! Вы столкнетесь с прирученными падальщиками сучьего Монкара. С теми, кто сыграл немалую роль в том, чтобы превратить вас в раздутых от вколото-того ядомута уродов! Нет руки или ноги? Виноваты они! Отгнил раздувшийся хер или лопнули сиськи и пришлось резать по живому – виноваты, сука, они! Отпала жопа целиком – виноваты они! И вам еще повезло! Видите те экраны с безглазыми и обожженными гоблинами? На их месте могли оказаться вы! Это я к чему: хватит! – сделав паузу, я заставил чуть утихнуть темп бьющего в виски пульса и выдохнул. – Хватит этого дерьма! Идите и убивайте! Валите тварей! Мстите! Вперед!

Яростный хищный рык не заставил зал загудеть громовым эхом – для этого нас было маловато. Всего три десятка бойцов плюс офицерский костяк. Но еще сорок боевых гоблинов уже на подходе, и приближаются они быстро, спеша урвать и себе кусок кровавого пирога.

– Не забывать про огнеметы! Больше огня! – крикнула Ссака, устремляясь за смешавшимися десятками, что рычащей змеей втягивались в лестничный пролет и уже выцеливали стволами ненавистных тварей.

Рэка я успел поймать за плечо и кивнул на один из приветственно помаргивающих зеленым лифтов. Показав кивнувшему орку один палец, я переступил растоптанный труп и начал спускаться вниз по ступеням. А Рэк, взяв наизготовку пулемет, втиснулся в кабину лифта и хрипло загоготал, предвкушая веселье.

– Эльфы... – зло бормотал я, убирая револьвер в нагрудную кобуру и берясь за рукоять странноватого пистолета.

Еще одна реплика, что попалась мне в руки незадолго перед спуском в эти сраные подводные пыточные палаты. Вроде как... Уверенности нет. Обводы оружия я вроде как узнавал, но вроде как и нет.

Но это точно какой-то «Тип». Может, «Тип-80», хотя я, если не обманывает простреленная память, видеть видел его воочию, но никогда из него не стрелял. Что-то связанное с подпольной оружейной сделкой в моем баре, куда принесли старомодный деревянный ящик с десятком таких. Но у тех ствол был куда тоньше и без дырчатого кожуха. Я успел пару раз испытать его в деле, но не на живой мишени. Магазин на тридцать патронов, и у меня таких четыре...

Нагрудную кобуру я повернул и положил левую ладонь на рукоять привычного револьвера. На всякий случай...

Но пока что меня ждали лишь крики и кровавые трупы. Крики далекие, больше пока изумленные, чем испуганные. А вот кровавые трупы с каждым шагом становились все ближе. Первые растерзанные ошметки не пойми чего, но еще недавно живого встретились у распахнутой мощной гермодвери – безопасность никто не отменял. Судя по количеству растертых по полу мозгов, тут раскололись минимум две черепные чаши. Хотя вон там вижу пять торчащих из-за перевернутого металлического стола ног. А вон свежесделанный червь с полной ампутацией всех отростков, а голова закатилась между ног вбитого в угол амбала в разорванной форменной рубашке. Цвет вроде зеленый с черными вкраплениями.

Аж, сука, зубы свело...

Сколько веков минуло, а пробужденные хренососы все столь же сильно влюблены в так много значащую для них классовую расцветку.

Белые – высший, сука, сорт. Эльфы из эльфов. Жрут из лотосов и подтирают жопы фиалками...

Синие – максимально приближенные к вершине, но все же пониже. Ранговые синие воротнички. Технический кластер вроде начальников технических отделов, высших инженеров и прочих. Плюс здесь же любимый обслуживающий персонал в синих блузках с белыми воротничками, что без лишних слов задушенную шлюху уберет и свежих персиков принесет.

Зеленые или черные – вооруженка. Хорошо обученные и отлично вооруженные преданные псы, что порвут любого, кто косо взглянет на любимых хозяев. Их называют по-разному, но сути это не меняет.

Особая прослойка – врачи. Невероятно ценимые в любую эпоху. Власть властью, а любимый геморрой сам собой не рассосется. Врачи бесцветные – как они сами себя старательно всегда позиционируют. Они, мол, открыты для всех и каждого и не имеют собственных пристрастий... Ну да... Солнце светит для всех – если ты из тех, кто заткнул ему жопу толстой пачкой бабла...

А потом уже нижним цветом этой недоделанной радуги прет серая масса... все те же безымянные рядовые техники, электрики, чистильщики канализаций, продувальщики и уборщики... И как же, сука, смешно небожителям наблюдать с вершин небоскребов, как подножная серая слизь пытается придать себе любой другой оттенок – чтобы получить сходство с теми, кто срет им на головы...

Отступив, я пропустил мимо захлебывающийся криком огненный факел и выстрелил в следующего «огонька», заставив его рухнуть в лужу и зашипеть в струях дождя. А дождь

тут шел – пожарная сигнализация среагировала, залив этот уровень потоками воды из ливневых форсунок. Но огнеметы продолжали работать, и в пелене воды ревело оранжевое пламя, порождая все новые бегущие и танцующие огоньки. К расположенным по одной стороне коридора узким длинным окнам подплыла темная туша с редкими разноцветными искорками. Изуродованный больной кит безразлично глядел на танцующих в дожде и огне обезьян, медленно скользя в темной водной толще. Слышал ли он их крики боли? Насколько умен этот гниющий в вечной тьме гигант с вбитыми в голову стальными колями?

Обойдя трупы, я перебрался через аккуратные стальные стены стоящего в холле КПП, что грамотно блокировал спуск на следующий этаж, и испытал пистолет, прострелив голову тянувшегося к аптечке молодого парня в черной рубашке. Аптечку забрал, заодно подхватив с пола то, что объяснило причину вражеской тишины. Нет. Они не молчали, они стреляли. Но не из огнестрела. В моей ладони был зажат игстрел с ободряюще горящим зеленым огоньком – иглы есть, стреляй. Размеры пистолета, несколько заглушек сзади и сверху, отъемная, судя по всему, пистолетная рукоять. Иные модели, чуть иные стандарты, но это игольное оружие. Наведя стрекоталку на труп, я нажал выступающую клавишу, и игстрел послушно выплюнул несколько игл. Нет привязывающего к владельцу блокиратора. И да – под водой лучше уж палить пластиковыми иглами, а не стальными пулями...

– Логично, – пробормотал я и махнул разочарованному орку в открывшейся лифтовой кабине. – Гляди?

– Игстрелы, мать их игольчатую! – орк захлебнулся смехом и приподнял повыше пулемет.

– Давай еще на этаж вниз – пока они не очухались и не блокировали все лифты. Там наших вроде еще нет...

– Ага... – орк ударил стену кулаком.

Стена испуганно загудела, и двери закрылись.

Чуть ускорившись, я побежал по ступеням вниз. Еще одна гермодверь с винтовым стопором. Раскрутив его, дождался, когда он с лязгом замрет в крайней позиции, и рванул рычаг на себя. В открывшуюся щель сунулась напряженная харя с красивой челкой:

– Слышал че?! Сигналка полыхает...

– Слышал, – кивнул я и выстрелил ему в глаз.

Разом обмякшее тело рухнуло. Пару раз дернулось и затихло на пороге. Выдрав из его руки несколько иной игстрел, я сбежал по ступенькам, нарочито громко топая ботинками.

– Ну чем там за шум? – требовательный голос был исполнен властности.

– Там убивают, – буднично отозвался я, выходя на желтоватый свет светильника в конце лестничного пролета.

– Ты кто?!

Прежде чем начать стрелять, я успел отметить П-образный КПП со стальными стенами высотой мне по пояс и рыл пятнадцать охраны в черных рубашках с зелеными воротниками. За центральной панелью КПП яростно мигали красные огни – похоже, та самая пожарная сигнализация.

Полоснув иглами и пулями по холлу, я сделал шаг в сторону и вжался в угол. Высунув на секунду руку, наугад опустошил остаток магазина и занялся перезарядкой, вслушиваясь в порожденный мной криковой хаос.

– Хер вам в глотки, ублюдки!

Радостный рев орка оглушил и затих, сменившись пулеметным грохотом. Присев, я выждал несколько мгновений и высунулся, тут же убравшись обратно в укрытие. Успев поймать картинку, уже спокойно выпрямился и вышел. Ботинок с плеском окупнулся в общую для убитых лужу крови – ее расстрелянные доноры вповалку лежали вокруг укреплений или весели на его стенных панелях.

– Не надо! Не надо! – завизжал кто-то из внутренностей КПП.

– Надо! – убежденно ответил Рэк, стреляя ему в голову.

– Коридор, – предупредил я.

Вылетевшие в коридор гоблины в черном и зеленом – еще одна внутренняя цветовая ранговость – попадали как сбитые пулями кегли. От моего шлема с треском отлетели безобидные иглы. Еще несколько застряли в разгрузке. Отстрелявший ленту орк присел, а я подался вперед и мягко послал в коридор зажигательную гранату. Хлопок, вспышка, и пятеро закружились в огненном кранлого...

– Ниже! – крикнул я, когда из лестничного проема вывалились первые недомуты-штурмовики, выставившие щиты.

Пропустив яростно вопящих гоблинов, мы с Рэком разминулись с Ссакой и нырнули ниже, опять заспешив по лестничным ступеням. Убрав пистолеты, я взялся за автомат, и будто только и дожидаясь этого, воздух наполнился тревожным плачем сирены. Тонкий переливчатый звук показался мне плачем китов, что беззвучно плыли вокруг погруженного во тьму подводного города...

Что ж... вот мы и сделали свое громкое заявление – мы здесь! Гоблины пришли...

Сорвав со стены аккуратную разноцветную схему, я позволил Рэку обогнать себя и двинулся за ним, вглядываясь в уже виденные раньше цветные полосы этажей.

* * *

Мы очистили еще два этажа подводного веретена и... остановились.

Тормознуть мной же порожденных берсерков оказалось нелегко. Приказ сработал не сразу. Двое все же рванули дальше и погибли ниже, успев положить до десятка противников, после чего последний из них подорвал себя гранатой и залил там все забортной водой. И судя по прерывистому восторженному вою, который пресек взрыв гранаты, эти двое ни о чем не жалели – чего не скажешь о их противниках. Хлещущие струи пенной темной воды ударили в еще непроверенный нами этаж, и где-то через пару минут к вою пожарной сирены добавилось перепуганное всхлипывание еще одной верещалки. Разгерметизация. На такой глубине это нестрашно – я знал возможности Эдиториума. Эта разделенная на кучу секторов банка выдержит. И первым делом сработает автоматика...

Выдвинувшиеся из потолков и полов стальные плиты отделили нас от нижнего этажа. И одновременно еще несколько аварийных переборок отрезали нам отход обратно наверх. Меня это не впечатлило. Никого не впечатлило. Не понадобилось даже командовать – сварочный аппарат зажегся мгновенно, принявшись прорезать нам обратный проход – и, само собой, резал он не закаленную сталь переборки, а куда более тонкий металл по соседству. Через потолок и пол – путь отступления нам нужен, но сам я никуда торопиться не стал. Усевшись на один из забрызганных кровью столов, я занялся изучением еще одной цветовой схемы.

Те этажи, что мы прошли по пути до текущего уровня, отличались друг от друга кардинально. Не только по строению, но и по содержанию, мать его. В изначальной планировке эти уровни относились к жилым и рекреационным. Именно здесь жили все те давно сдохшие светлые умы, что олицетворяли собой вполне сбывшуюся мечту по возрождению планеты. Но так было раньше. Оставив планировку нетронутой, чей-то абсолютно больной разум превратил каждый уровень в нечто вроде долгосрочной зоны испытаний.

Первый из пройденных этажей – залит водой на полметра. Убрана практически вся мебель, лишь некоторые общие комнаты сухие. Вода – морская и достаточно холодная. Там же несколько мясницких, где, следуя приказам свыше, упырки резали свежеразмороженных и нихрена не понимающих гоблинов. Мы спасли около трех десятков и отправили их наверх – через Поплавок до самых нижних уровней пропустившего нас сюда плавучего острова.

Второй этаж – уровень с белым шумом, как его окрестила Ссака. Злобное шипение сопровождало живущих там постоянно. И, похоже, им пришлось куда хуже, чем тем, кто жил в морской воде. Во всяком случае психически... И здесь мы отыскивали несколько мясницких... но спасать было уже некого – прознав о нашем приближении, долбанные хренососы последовали какому-то из аварийных протоколов и прикончили еще живых.

Третий этаж – место, где мы сейчас находились – был какой-то гремучей помесью борделя и бара. Чистой питьевой воды не было – из кранов она хоть и текла, но была «подслащена» некоторым количеством спирта, фруктовых ароматизаторов, красителя и чем-то еще явно «мозгокрутным». Слабая алко-нарко-смесь, что подавалась круглосуточно. Минимум разрешенной одежды. В два раза больше так называемых лабораторий. И то, что я в них увидел, никак не могло даже приблизительно оказаться экспериментами. Банальные пыточные, где насиловали, терзали, измывались. И все это окутано флером «нормальности»: в обычных зонах чистенько, аккуратно, все, несмотря на постоянную подпитость, вели себя друг с другом максимально обычно – вон на экране крутится ролик из здешней кафешки...

Изучив схему, я ножом прочертил по пластику извилистую линию, прорезал в ее конце дыру и швырнул пластинку Ссаке.

– Пробивайтесь там четко вниз, – буркнул я, доставая из поясной сумки белковый батончик.

– Поняла.

– Когда вскроете обшивку – упретесь в трубы и провода. Не резать. Обходите.

– Ясно.

– Но сначала заварите к херам все нижние аварийные переборки. Никто не должен суметь их открыть.

– Выполняю.

– Давай... Рэк! Как прорежетесь наверх – всех наших подранков туда срочным эшелоном. И так же быстро спускайте сюда свежее злое мясо и тяжелое оружие. И еще мне нужна прямая связь с Хорхе. Проследи за всем.

– Делаю! – выпивший литра два здешней водички Рэк аж подпрыгивал от переполняющей его нехорошей энергии.

Да многие приложись к здешним кранам с розовой водичкой. И я не пытался их остановить – мясо слишком «молодо» и еще не привыкло к той кровавой мерзоте, с которой сталкивается каждый солдат на поле боя. Кишки на стенах, мозги на ботинках, чужие зубы в волосах, привкус паленого дерьма вокруг и кровь повсюду... Придет время, и прошедшие через горнило боев гоблины привыкнут, ожесточатся и отрастят твердую непрошибаемую шкуру...

Подхватив со стола женскую отрубленную в локте руку, я метнул ее в голову слишком уж присосавшейся к крану девке, что пила и пила, не в силах оторваться. Отпрыгнув, она утерла кровь со щеки, напялила шлема обратно на тупую голову и, уворачиваясь от пинка Рэка, проскулила:

– Так сладенько заходит... прямо как хер моей первой любви...

– Наркота всегда сладко заходит, – проворчал я. – А выходит с кровью... уймись, дура тупая.

– Есть унять дуре тупой, сэр! Блевануть позорным содержимым пуза?

– Оставь при себе, – усмехнулся я.

– О моей первой любви, сэр – сожрали его те муты, что оттрахали больную самку, но... хык!

Она все же поймала поясницей пинок злого орка и улетела в угол с трупами, откуда уже поползла до двери и рванула следом за Ссакой.

– Лид! Экран слева! – предупреждающий возглас донесся от одного из самых многообещающих новичков, что уже прошли с нами немало мясорубок Мутатерра.

Неспешно повернув голову, дожевывая батончик и одновременно роняя пару таблеток энергетика в кружку с водой, я уставился на оживший экран, что высветил огромную золотую букву «М». Одновременно с этим послышалась закадровая торжественная музыка. Ну да... все как всегда – обязательная пафосно-жоппная презентация грядущего величия... Чтобы гоблины заранее прониклись и взопрели...

Золотая вспышка... следом прямо «в лицо» полетели вращающиеся и опять-таки золотые загогулины и восклицательные знаки, а на экране наконец-то появилось хоть что-то внятное – полированный деревянный стол с широченной столешницей, высокая спинка кожаного коричневого кресла и сидящий в нем упырок в деловом старомодном костюме. Серый поблескивающий материал, белая рубашка с расстегнутым воротником – как много это значит для понимающих – торчащий в кармашке уголок белоснежного платка и над всем этим широкая теплая улыбка идеально выбритой хари. Еще чуть выше можно с восторгом лицезреть дорожную прическу – с обязательно сединой на висках и несколькими тщательно выбранными седыми же прядями над многомудрым лбом. Он еще не сказал ни слова, даже не шевельнул пальцами с одиноким обручальным кольцом, но я уже знал, что обладатель ласковых карих глаз – Монкар.

Еще раньше над экраном зажегся огонек – золотой огонек. Не желтый, не оранжевый, а именно золотой. Типа божество скоро явит свое внимание... Есть ли замаскированная камера?

Вглядевшись в его глаза, я понял – он видит меня. Не только меня, а конкретно весь этот зал, внимательно скользя по нему сосредоточенным взглядом. Нет. Не сосредоточенным, а сфокусированным, ведь это одно из любимейших слов ему подобных никчемных дегенератов. Будь в фокусе! Сосредоточься на задаче! Фокусируйся! Еще сильнее! Не позволяй сломать свой ссанный фокус! Работай в фокусе! Работай больше! Как легко говорить такие слова, когда твое единственное занятие – неистовое лизание нависающей жоппы босса.

– Что же у нас тут происходит? – разродился наконец хер в сером костюме. – Я Монкар... и я... опечален. Что за беспорядок... что за безумный хаос...

Ему никто не ответил. Гоблины продолжили заниматься своими делами. Один так и вовсе сел поспать в дальнем углу, придерживая штаны, чтобы не заляпать их о кровь на полу. И судя по протяжным звукам, этот недомут был полностью сфокусирован на своей задаче.

– Не скажу, что я рад таким гостям, и, несомненно...

Решив не слушать дальше, я приподнял забрало шлема повыше, повернул харю к экрану и лениво поинтересовался:

– Эй, хреносос... ты уже поплакался в плесневелые сиськи сучьей ведьме Эдите? Доложил о большой и нерешаемой проблеме?

Ответом была тишина. Та самая, по их словам, «озадаченная», а на самом деле охреневшая тишина, что случается, когда ты от обычного на вид грязного вонючего гоблина слышишь нечто крайне неожиданное. Или даже опасное... или даже пугающее...

Тишина длилась долго, а я не торопился. Зачем? В одном месте сварочный аппарат уже закончил работу, и недомуты с резакот потянулись в коридор, где до них скрылась двойка с пилой. За их спинами потрескивала остывающим металлот на краях уродливая дыра – наш новый выход отсюда. Рэк, тихо матерясь, погнал туда могущих идти подранков, что тащили лежащих и мертвых – мы потеряли троих наглухо и еще двое скоро сдохнут, но пока держатся благодаря трофейным аптечкам. Остальные легкие: несколько дней, максимум неделя – и можно их опять ставить в строй. Да... я не торопился... и в ответ разглядывал того, кто явно уже приблизил мое лицо, увеличив на весь экран, и внимательно вглядывался в него.

Как же, сука, смешно... Этот хер сделал все, чтобы его морда казалась породистой и запоминающейся. Нос с явно искусственной горбинкой, в меру густые брови, длинные – но опять же в меру – баки, тяжелая нижняя губа и выставленный вперед подбородок с той самой якобы что-то всем говорящей ямкой...

А что он видел в моем лице? Да ничего кроме злобы и усталости. Я не скрывал своих эмоций, пока медленно цедил кислый энергетик из фляги.

Сломав свою игру в невозмутимого джентльмена, Монкар подался вперед, нахмурил брови и... отпрянул резко назад, отмахнулся от экрана обеими руками.

– Эти глаза! Выруби!

– Что? – удивленный мелодичный голос оборвался резким вскриком, когда подхваченная со стола каменная статуэтка какой-то девы явно влетела во что-то живое по ту сторону экрана.

– Выруби, сука тупая! Убью!

Экран погас... А золотой огонек над ним продолжал светиться.

– Похоже, он знает вас, сэр... – заискивающе проскулил один из одноруких недомутов, вечно рвавший жопу в старании доказать, что ничем не уступает другим.

– Похоже, – кивнул я, поднося передатчик к губам. – Ссака...

– На связи!

– Ускорьтесь вдвое.

– Есть!

– А ты, – я взглянул на однорукого, – прикрепи вон к стене напротив этого сучьего золотого огонька рюкзак с взрывчаткой. И прямо покажи взрывчатку всем глядящим...

– Покажу! А с таймером? – с нездоровым придыханием спросил однорукий.

– Ага.

– И выставим на пять минут... это самое то, чтобы холодная дрожь пробрала аж до жопы...

– На два часа, дебил! – рявкнул я.

– Ну хоть что-то... а можно я прикрою первую цифру лямкой? То ли двойка... то ли ноль... а?

– Тебе бы голову подлечить...

– Да я стабильный!

– Имя?

– Херодуб!

– Действуй, Херодуб... действуй...

Неожиданно взвизгнув, Херодуб помчался выполнять приказ. Надо бы проследить за этим... стабильным...

Бросив еще один взгляд на мертвый экран с живым огоньком, я приветственно оскалился ему и, неспешно сползая со стола, двинулся навстречу. По пути подхватил металлический вечный стул. И в несколько ударов прервал золотое торжественное свечение. Только свечение – сам крохотный глазок камеры не тронул. Пусть и дальше наблюдают за взрывным рюкзаком.

Надо же... Только сейчас заметил – перед экраном разбросаны стулья, что чуть раньше явно стояли ровными рядами. А под экраном аккуратная табличка: «Бдение пред золотой зарей для самых достойных». Да мать же вашу, гоблины! Seriously? Так и сидели бочок к бочку, с надеждой глядя на темную стекляшку, что могла просто засветиться на пару секунд? Гребаные имбецилы... Может, еще и лобызали светодиод? Только подумалась эта херня и... я заметил над табличкой блестящий пяточок вылизанного металла...

С яростью вбив ножки стула в ударостойкий экран, я отошел, не обращая внимания на потянувшийся из разбитого устройства серый дым и трескучие искры. Меня здешняя пожаробезопасность и чистота воздуха волнуют меньше всего. Похоже, всему этому давно пора разрушиться и рухнуть мертвой кучей на дно – там этому куску говна самое место.

А что творится на следующем этаже?

Я знал, куда мне надо попасть, и это было мало связано со здешней больной этажной возней. Но я все же гляну разок... я гляну...

* * *

Пронзительный дикий и какой-то искусственный вой заставил гоблинов раздаться в стороны и прижаться к стенам. Прилетевший из глубины погруженного в темноту коридора некий снаряд с треском ударился о металлический пол и... лопнул, раздувшись в огненный шар. Я упал одним из первых, и огненные языки жадно облизали стены и потолок над моей головой. В легкие вонзился скупой горячий вдох. Сине-красное пламя опало, но в темноте впереди уже ревело снова.

– Щиты! – рявкнула Ссака. – Пять два! Пять два, суки!

Дружно проревев ответ, обожженные гоблины отлипли от стен, перешагнули бьющихся на полу двоих обгоревших и выставили щиты. Пластик и металл. Старое и новое сработали вместе. Новый снаряд – а это оказался снаряд миномета, как мне почудилось по характерной форме – ударился о преграду и лопнул.

– Назад!

Трое из шести отшагнули, бросая объятые огнем щиты. Еще трое остались, удерживая стальные пластины поперек коридора.

– Пригнуться, – хрипло велел я, когда Ссака запоздала с этим приказом.

– Жопы в пол! – продублировала она меня, и в ту же секунду по баррикаде застучал drobный смертельный перестук.

По нам садили очередями. И боеприпаса не жалели. Еще одно выдающее себя скорбное завывание – вот тупые херососы – чуть подстегнуло прыть возящихся у стены гоблинов, и они успели выдавить прорезанную дверь. Едва мы втянули последнего нашего в боковое помещение – отмеченное на карте как имеющее аж три входа-выхода – в коридоре полыхнула очередная огненная вспышка. Согнувшийся над ранеными медик всадил каждому по несколько уколов, и жестоко обожженные облегченно затихли на полу.

– Дальше, – прорычал я, сгорая от злобного нетерпения. – Дальше! Что с Рэком и моей связью?

– В процессе! Бегут. Тянут.

– В сраку ваш долбаный процесс. Ускорить их!

– Есть ускорить!

Я заставил себя заткнуться, понимая, что занимаюсь херней – все и так выкладывались на полную. Со свистом втянув воняющий гарью воздух, я оттолкнул одного из недомутов от стены у двери и занял его позицию. Вслушавшись, присел, выглянул на мгновение и послал в коридор сюрприз из подствольного гранатомета. Там как раз зарождалось новое жалобное вытье, но разрыв не дал этому дерьму никуда улететь, подорвав на месте – и дикий рев боли из коридора дал понять, что такой подарок никому не понравился. Вспышка... еще одна... и коридор залил ослепительный свет, что быстро убавил накал, сменив белизну на багровость. Криков больше не было. А по коридору пролетел поток раскаленного воздуха, заставляя тонкий слой воды на полу исходить горячим туманом в шипучем испарении.

– Охеренно, лид! – обрадованно оскалилась Ссака. – А ты долго будешь у нас самое вкусное отнимать? Наши сами бы справились...

Заглянув в скорбные глаза оттолкнутого мной гоблина, я с усмешкой хлопнул его по плечу:

– В следующий раз месишь всех ты. Да?

– Да! Всех! – заорал тот, показывая в оскале жалкие остатки почернелых клыков. – Мы боевые орки! Орки!

Ясно... этот свихнутый крикун из числа бойцов Рэка. Из угла залиvisto взвизгнул Херодуб. Весело, сука, живем...

– Это и есть их Стонущая Кара? – поинтересовалась Ссака, с легкостью удерживая на полу вдруг очнувшегося раненого, в то время как медик вкалывал ему еще дозу.

– Наверняка, – подтвердил я и, махнув тому «обделенному», велел: – Бери этих троих – и вперед. До места разрыва. Маски на хари! Жопы по полу волочите!

– Есть!

Натянув на рыла защитные маски, они захлопнули забрава, упали на пол и выползли в коридор, оставив рюкзаки в забитом столами помещении. Мы в здешней столовой – отсюда столько входов-выходов. И планировка доказывала, что это помещение изначально планировалось как заведение общепита. Только там, где сейчас левая металлическая стена, должно было иметься огромное обзорное окно, коими так славился Эдиториум. Не зря его в шутку называли азариумом – аквариум наоборот. Возрождаемый подводный мир мог любоваться копошащимися букашками в ярко освещенной банке... Но даже здесь Монкар постарался внести хоть какие-то, но исправления. Ну да... надо же показывать свою мудрую кипучую сучью деятельность... Из пустого в порожнее...

Из коридора послышались редкие хлопки выстрелов. Еще через минуту затрещавший передатчик выплюнул:

– Чисто. С потолка льет, трупы еще горят.

– Сколько их?

– Под сотню, – голос гоблина все же дрогнул.

Ну да... надо иметь привычку к подобному. Чтобы спокойно стоять там, в заливаемом водой коридоре, среди еще тлеющих скрюченных трупов...

– Закрепиться и ждать, – приказала Ссака и повернулась к медикам. – Этих наверх! А вы трое – давайте к разведчикам, а оттуда дальше до вот этого перекрестка. Без света! Без шума!

– Есть!

– Планы все те же? – уточнила наемница, полубезумной улыбкой показывая, как ей хочется, чтобы это веселье никогда не кончалось.

– Те же, – кивнул я и шагнул за второй тройкой. – Огнеметчики – за мной!

С визгом ожившие сервоприводы подчинились воле хозяев, и нагруженные под полтора центнера парни зашагали за мной.

– Стонущая Кара, мать вашу, – пробормотал я, с плеском шагая по залитому водой полу.

Как рассказал один из пленных – они до жопы боялись именно этого оружия. Им была вооружена лишь служба безопасности. Да вообще все оружие было только у безопасников. Игстрелы страшны, но все же почти бесшумны и от них практически нет крови. Щелк – и ты мертв, а в груди только крохотная дырочка. Поэтому изредка случавшиеся здесь восстания обычно носили затяжной характер. Одна безобидная на вид смерть в день, долгие бессмысленные переговоры, многочисленные скучные обещания, частые упоминания про ценность любой жизни и важные гражданские права... Долго. Муторно. Надоедливо. И так родилась Кара. Воющий медленный снаряд казался предвестником великих бед – и таковым и стал, когда был использован в первый раз, взорвавшись огненным цветком в скоплении прячущихся за перевернутой мебелью ничем не защищенных гражданских... С тех пор мятелей больше не было.

А я вспомнил это оружие. Не с чужих слов, а в тот миг, когда услышал этот особенный мерзкий вой. Его вроде как разрабатывали специально – сам звук, а не снаряд. Проходя через особые отверстия в обрешетке крутящейся зажигательной мины, воздух порождал до жопы пугающий вой. Один показательный выстрел... и вот уже многочисленные джонки и плавучие острова спешно покидают мелководные лиманы разлившегося моря, оставляя позади полыхающего собрата. Горят плавучие огороды и соломенные жилища, умирает такая драгоценная сжигаемая земля, начинает проплаваться пластиковая многослойная основа и... плавучий кусок суши разваливается, с шипением уходя по воду. Захватчики прогнаны, и никто больше не будет ловить корпорационную рыбку и вычерпывать такие же креветки... В следующий раз

будет достаточно включить запись этого воя, чтобы вся когорта оборванных морских жителей ударилась в бегство...

Проверяя по второму разу вслед за штурмовиками боковые помещения, мы без проблем добрались до первого перекрестка и оказались на месте бойни. Тут у дебилов и случилась детонация... Выжгло к херам перекресток, метров по двадцать в каждую сторону коридоров и не меньше пяти комнат с распахнутыми дверьми – где ожидала приказа на штурм живая сила. Там их и запекло как праздничных уток в духовке... Вонь дикая, задымленность постепенно уходит, а льющая из потолочных форсунок вода уже ликвидировала угрозу. Шумно работающие под потолком моторы показывают, что вентиляция врублена на максимальную мощность. Автоматика сработала как надо.

Вот именно – автоматика.

Машины сделали как надо.

А гоблины опять обосрались...

Переступая руки и ноги с лопнувшей и слезающей с темного мяса кожей, я миновал перекресток – не тот, что нужен нам – и пропустил вперед тяжелых огнеметчиков, когда впереди опять послышались взрывы. Огнеметчики ускорились, а я замедлился и, услышав топот позади, прижался к стене – мимо пронеслась вся озлобленная стая, что рвалась урвать побольше «вкусного». За ними пробежала ухмыляющаяся Ссака, жестом показав, что все задачи по эвакуации и прочему успешно решены. Про тыловую группу страховки можно было не спрашивать – она есть и не уснет. Встретят подкрепление, закрепятся на доверенном участке и будут ждать дальнейших приказов. Рация на разгрузке едва слышно прохрипела. Укрывшись за дверным проемом, я повысил громкость, щелкнул кнопкой и начал ждать. Хрипящий голос Рэка заговорил сразу же, принявшись накачивать меня важной информацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.